
18+
«Тот, кто пишет после смерти»
тёмный фантастический триллер
Ольга Земцева
История 1

Ольга Земцева

Тот, кто пишет после смерти. Темный фантастический триллер. История 1

«Издательские решения»

Земцева О.

Тот, кто пишет после смерти. Темный фантастический триллер. История 1 / О. Земцева — «Издательские решения»,

«Тот, кто пишет после смерти».История первая.Некоторые тайны должны умереть вместе со своими хозяевами. Но что, если смерть — не конец, а лишь начало чужого послания?Когда прошлое оживает на страницах, а каждое новое письмо приближает к разгадке, становится ясно: кто-то знает больше, чем должен. И кто-то готов на всё, чтобы правда так и осталась погребённой во тьме.Но что, если следующий, кому придёт письмо, — ты?

© Земцева О.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I 6
Глава 1 Пропущенный звонок 6
Глава 2 Человек у подъезда 13
Глава 3 Мёртвые не пишут 20
Глава 4 Старый телефон Милы 26
Глава 5 Ночной разговор 33
Глава 6 Слежка 39
Глава 7 Первое доверие 47
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Тот, кто пишет после смерти Темный фантастический триллер. История 1

Ольга Земцева

Иллюстрации Midjoutnal

© Ольга Земцева, 2026

ISBN 978-5-0071-5742-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

Глава 1 Пропущенный звонок

В тот вечер Лера снова не взяла трубку, хотя телефон лежал совсем рядом — на кухонном столе, между недопитой чашкой кофе и раскрытым блокнотом, в котором она ещё утром пыталась составить список дел на неделю. Список получился коротким и бессмысленным: забрать макеты из печати, оплатить интернет, купить лампочку в коридор. Под третьим пунктом она поставила точку и больше ничего не написала, потому что вспомнила дату.

Телефон вибрировал настойчиво, почти сердито, сдвигаясь по гладкой поверхности стола к самому краю. На экране светилось слово **«Мама»**, и этого было достаточно, чтобы Лера не могла заставить себя протянуть руку. Она стояла у окна и смотрела вниз, во двор, где ноябрьский дождь превращал асфальт в тёмное зеркало. Фонари расплывались в лужах длинными жёлтыми пятнами, пустые качели на детской площадке слегка раскачивались от ветра, а у подъезда, под узким козырьком, курил мужчина в тёмной куртке.

Ничего необычного в нём не было. Поздняя осень вообще делает людей похожими друг на друга: тёмные куртки, поднятые воротники, быстрые движения, лица, наполовину скрытые капюшонами и дождём. Мужчина стоял боком к подъезду, прикрывая сигарету ладонью, и время от времени поглядывал на дорогу, будто кого-то ждал. Лера посмотрела на него без особого интереса и снова перевела взгляд на телефон.

Звонок оборвался. Кухня сразу стала тише, и Лера только тогда поняла, что всё это время задерживала дыхание. Она сделала осторожный вдох, но облегчения не почувствовала: через несколько секунд экран вспыхнул снова. Мама звонила второй раз.

Лера закрыла глаза.

Она знала, что услышит, если ответит. Сначала будет пауза — короткая, но тяжёлая, потому что мама давно разучилась начинать разговоры просто. Потом прозвучит её осторожное «Лерочка?», за которым неизбежно последует вопрос, один и тот же уже целый год: «Ты держишься?» И Лере придётся соврать. Сказать, что да, держится, что всё нормально, что она была на кладбище утром, что на работе завал, что лучше они поговорят завтра, потому что сегодня обе слишком устали. Придётся говорить спокойно, не плакать, не раздражаться, не спрашивать в ответ: а ты сама держишься? Придётся быть взрослой, хотя именно это утомляло её больше всего.

Она не держалась. Она просто продолжала жить, потому что другого варианта никто не предложил.

Каждое утро Лера вставала по будильнику, умывалась, красилась, ехала в студию, где работала дизайнером, спорила с заказчиками о шрифтах и оттенках, отвечала на письма, покупала кофе внизу у офиса и улыбалась бариста, если тот узнавал её заказ. Вечером она возвращалась домой, ставила чайник, иногда открывала ноутбук и доделывала то, что не успела днём. По пятницам могла встретиться с подругой, послушать про чужие свидания, ипотеку, отпуск, новые планы, и даже вовремя кивнуть, когда от неё ждали участия. Со стороны всё выглядело почти нормально, и именно это казалось ей особенно несправедливым. Жизнь продолжалась с такой невозмутимостью, будто год назад ничего не произошло.

Будто Мила не звонила ей в 23:47.

Будто Лера не посмотрела тогда на экран, не увидела имя сестры и не сбросила вызов.

Будто через сорок минут ей не позвонили из полиции.

Она помнила тот вечер слишком хорошо, хотя отдала бы многое, чтобы забыть хотя бы отдельные его минуты. Они с Милой поссорились за час до звонка — громко, зло, по-сестрин-

ски жестоко, когда знаешь все слабые места другого человека и в какой-то момент перестаёшь себя удерживать. Повод был ничтожный: деньги, которые Мила заняла и не вернула; очередной сомнительный парень, с которым она связалась; мамины нервы; Лерино постоянное ощущение, что ей снова приходится быть старшей не по возрасту, а по обязанности. Ссора быстро переросла во всё сразу, как часто бывает в семьях, где накопленная любовь слишком легко превращается в накопленную обиду.

Мила сказала тогда, что Лера считает себя лучше всех, потому что у неё работа, отдельная квартира и правильная жизнь. Лера ответила, что ей просто надоело вытаскивать сестру из драм, которые та сама себе придумывает. Сейчас она понимала, что ничего страшного в этих словах вроде бы не было; люди говорят друг другу гораздо хуже и потом мирятся, звонят, приходят с пирогом или бутылкой вина, делают вид, что ничего не случилось. Но у них не получилось. Эти слова стали последними, которые Мила услышала от неё.

Когда телефон зазвонил в 23:47, Лера увидела имя сестры и сбросила вызов почти сразу. Не потому, что была занята, не потому, что не услышала, не потому, что телефон лежал в другой комнате. Она сбросила сознательно, со злостью и усталостью, думая: пусть хоть раз сама справляется со своими проблемами. Потом налила себе вина, включила музыку погромче и не сразу заметила, что Мила больше не перезвонила.

Память странно обошлась с тем, что было дальше. Она сохранила не всю сцену, а отдельные, плохо склеенные куски: незнакомый мужской голос в трубке, слова «найдена девушка», «документы при ней», «вам нужно приехать», холодный пол под босыми ногами, мамино лицо в больничном коридоре и собственные пальцы, с такой силой сжавшие телефон, что потом несколько дней болела ладонь. Официально смерть Милы назвали несчастным случаем. Ночью, дождь, скользкая набережная, удар головой, вода. Лера много раз пыталась поверить в эту простую версию, потому что простые версии удобны для жизни. Но внутри неё с первого дня жила заноза: если всё было так просто, почему Мила звонила именно ей за сорок минут до смерти?

Телефон наконец замолчал. На экране остались два пропущенных вызова, и Лера почувствовала стыд, привычный и почти физический, будто кто-то положил ей на грудь тяжёлую ладонь. Сегодня была годовщина. Утром она ездила на кладбище одна, потому что встречаться там с мамой не решилась. Поставила белые хризантемы, постояла у плиты, сказала вслух какую-то бессмысленную фразу, которую тут же забыла, и ушла слишком быстро. Теперь мама звонила, потому что тоже не могла выдержать этот вечер в одиночестве, а Лера опять не отвечала.

Она взяла чашку, сделала глоток остывшего кофе и поморщилась. В комнате за её спиной тихо гудел старый холодильник, в коридоре мигала лампочка, которую она уже неделю собиралась заменить. Квартира была съёмная, маленькая, на одиннадцатом этаже старой башни у «Академической», с неровными стенами, шумными трубами и кухней, где двоим становилось тесно. Лера переехала сюда через три месяца после смерти сестры, потому что прежняя квартира напоминала о Миле слишком громко. Там оставались её вещи: оранжевая кружка с трещиной, дешёвая тушь в ванной, заколки в ящике, смешные записки на холодильнике. Лера думала, что если сменит стены, станет легче, но очень быстро поняла: память не живёт в стенах. Она переезжает вместе с тобой, устраивается в теле и напоминает о себе в самые обычные моменты — запахом дешёвого шампуня в магазине, песней из такси, именем на чужом бейджеке.

Под письменным столом в комнате до сих пор стояла коробка с Милиными вещами. Лера обещала себе убрать её в шкаф, потом — отвезти маме, потом — выбросить всё, кроме фотографий. Не сделала ничего. Коробка стояла там уже девятый месяц, крышка немного съехала набок, и из-под неё виднелся край жёлтого шарфа, который Мила носила всю последнюю осень, хотя Лера постоянно говорила, что этот цвет ей не идёт.

С улицы донёсся резкий сигнал машины. Лера вздрогнула и снова посмотрела вниз. Мужчина у подъезда бросил сигарету, наступил на неё ботинком и поднял голову. На секунду ей показалось, что он смотрит прямо на её окно, хотя с одиннадцатого этажа это было почти невозможно определить. Она невольно отступила в сторону и тут же разозлилась на себя. Мало ли кто стоит у подъезда. Мало ли кто ждёт такси, курьера, знакомую, жену. В этом не было ничего странного.

Она взяла телефон, чтобы написать маме хотя бы короткое сообщение: «Я дома. Всё нормально. Позвоню завтра». Слова получились такими фальшивыми, что Лера несколько секунд смотрела на них и не могла нажать отправить. Что значит — нормально? В годовщину смерти сестры, в квартире, где она снова пряталась от живых людей, потому что не знала, как говорить о мёртвых?

Экран внезапно моргнул, и сверху появилось уведомление от неизвестного номера.

Не выходи из дома через десять минут. У подъезда тебя будут ждать.

Лера прочитала сообщение один раз, потом второй, уже медленнее. Внутри сразу возникло неприятное, холодное ощущение, но разум почти автоматически попытался объяснить всё самым простым способом. Ошибка номером. Глупый розыгрыш. Спам, хотя на спам это совсем не походило. Она нажала на номер, ожидая увидеть имя, аватарку, хотя бы код оператора, который что-то ей подскажет, но увидела только длинную цепочку цифр, странную и незнакомую. Номер не выглядел местным.

Лера посмотрела на часы. Было 22:18.

Десять минут — значит, в 22:28.

Она снова подошла к окну, стараясь держаться чуть сбоку, и осторожно выглянула во двор. Мужчина всё ещё стоял у подъезда. Теперь он не курил и не смотрел на дорогу, а просто стоял под козырьком, засунув руки в карманы. Из-за дождя и расстояния Лера не могла рассмотреть его лица, но вся его неподвижность показалась ей внезапно неестественной. Люди обычно переминаются, проверяют телефон, раздражённо оглядываются, если кого-то ждут. Он же стоял так, будто ему некуда было спешить.

Лера набрала ответ: «Кто это?» — и нажала отправить. Рядом с сообщением несколько секунд крутился маленький кружок, затем появилась надпись: **не доставлено**. Она нахмурилась, проверила сеть — деления были на месте — и попробовала позвонить на этот номер. В трубке почти сразу прозвучал ровный автоматический голос: «Набранный вами номер не существует».

Она убрала телефон от уха и почувствовала, как по спине медленно поднимается холод. Номер, с которого только что пришло сообщение, не существовал.

Несколько секунд Лера стояла неподвижно, затем заставила себя усмехнуться. В наше время можно подделать всё: номер, сообщение, голос, фотографию. Она работала с графикой и прекрасно знала, как легко стало обманывать глаза. Ей просто попался чей-то идиотский розыгрыш, особенно мерзкий сегодня, в эту дату. Возможно, кто-то из знакомых Милы. Возможно, кто-то, кто знал, что годовщина, и решил поиграть на нервах. Мысль была неприятной, но понятной, а всё понятное казалось менее страшным.

И всё же она подошла к двери и проверила замки. Верхний был закрыт, нижний тоже, цепочка висела на месте. Потом Лера заглянула в глазок. Лестничная площадка была пуста: соседская дверь напротив, коврик с выцветшей надписью *Welcome*, облупленная стена, старый почтовый ящик, который кто-то давно притащил наверх и бросил возле мусоропровода. Ничего подозрительного.

Когда она вернулась на кухню, телефон снова завибрировал.

Не смотри в окно слишком долго. Он заметит.

На этот раз Лера не стала убеждать себя, что это случайность. Она резко отступила от окна, так резко, что задела бедром стул. Тот скрипнул по линолеуму, и этот обычный домашний

звук почему-то испугал её сильнее самого сообщения. Она выключила свет на кухне и замерла в полумраке, слыша, как быстро и неровно бьётся сердце.

Квартира сразу изменилась. Пока горел свет, это была её кухня, тесная, плохо покрашенная, с чашкой кофе на столе и магнитом из Сочи на холодильнике. В темноте она стала убежищем, которое могли обнаружить. Лера присела у стены, там, где её не было видно с улицы, и осторожно потянула край шторы. Между тканью и рамой оставалась узкая щель. Через неё она видела двор, подъезд и мужчину под козырьком.

Он поднял голову.

Лера перестала дышать. Ей показалось, что он смотрит именно на её окно, хотя она понимала, что не может быть в этом уверена. Мужчина достал телефон, коротко взглянул на экран и что-то напечатал. Через секунду мобильный в руке Леры тихо пискнул.

Видишь его?

Она закрыла рот ладонью, чтобы не издать ни звука. Теперь совпадение было невозможно. Кто бы ни писал ей, он видел и мужчину у подъезда, и её у окна. Или видел её через камеры. Или находился где-то рядом. Лера вдруг вспомнила про маленькую чёрную точку камеры над входной дверью подъезда, про домофон, про умные замки у соседей, про собственный ноутбук, который почти всегда стоял открытым на столе. Современный город был набит глазами, и до этого вечера она не думала, что эти глаза могут смотреть именно на неё.

Она быстро набрала: «Кто ты?» На этот раз сообщение ушло сразу, но ответа не последовало.

Было 22:24.

До указанного времени оставалось четыре минуты.

Лера открыла набор номера и нажала 112. Вызов не пошёл. Сначала на экране появилась надпись «соединение», потом всё сбросилось, и телефон показал ошибку сети. Она попробовала ещё раз, потом третий, с тем же результатом. Деления связи исчезли. Wi-Fi тоже пропал, хотя роутер в коридоре, видимый из кухни, продолжал мигать зелёными лампочками.

— Да что за чёрт, — прошептала Лера.

В комнате вдруг сам собой включился ноутбук.

Она увидела это боковым зрением: слабое синеватое свечение легло на стену, затем на пол. Ноутбук стоял на письменном столе, открытый, хотя Лера точно помнила, что утром выключила его перед уходом. Экран был чёрным, только в центре мигал курсор. Лера несколько секунд смотрела на него из кухни, не решаясь подойти, потому что если телефон ещё можно было объяснить подделанным номером, то включившийся сам по себе ноутбук объяснялся уже хуже.

Она всё-таки вошла в комнату. На экране появилась строка:

Лера, пожалуйста. Не выходи.

Она не закричала. Не потому, что была смелой, а потому, что страх иногда отнимает даже голос. Лера коснулась тачпада, попыталась закрыть окно, нажала Esc, потом кнопку питания, но ноутбук не реагировал. Текст продолжал светиться на чёрном фоне, простой и невозможный.

— Кто ты? — спросила она вслух, и собственный голос показался ей слишком громким в тёмной квартире.

Ответ появился почти сразу:

Тот, кто однажды тоже не успел ответить.

Лера почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось. Эта фраза была страшнее прямой угрозы, потому что била точно в то место, которое она год пыталась закрыть, заглушить, обойти. Не успел ответить. Не взял трубку. Оставил кого-то одного в самый важный момент.

Она отступила от стола.

— Кто рассказал тебе про Милу?

Курсор мигнул несколько раз, прежде чем появилась новая строка:

Она сама.

Лера резко выдохнула и покачала головой, будто могла таким движением отогнать написанное.

— Нет, — сказала она. — Нет.

Мила не могла ничего рассказать. Мёртвые не рассказывают. Они не присылают сообщения с несуществующих номеров, не включают чужие ноутбуки, не предупреждают об опасности. Мёртвые оставляют после себя фотографии, вещи, недосказанные фразы и чувство вины, которое живым приходится носить вместо них. Всё остальное было либо обманом, либо безумием.

Телефон в её руке снова завибрировал.

22:27. Отойди от двери.

Лера даже не успела осмыслить это предупреждение, когда в прихожей раздался звонок. Один долгий, уверенный сигнал, от которого она вздрогнула всем телом. Потом наступила пауза, и за дверью послышалось едва заметное движение — кто-то переступил с ноги на ногу на лестничной площадке. Скрипнула половица возле мусоропровода, та самая, которую Лера слышала каждую ночь, когда сосед сверху возвращался домой после смены.

Звонок повторился, теперь короче.

— Валерия Соколова? — произнёс мужской голос за дверью.

Голос был спокойный, не грубый и даже вежливый, но именно это спокойствие сделало происходящее окончательно реальным. Лера стояла посреди комнаты, босая, в домашней футболке, с телефоном в руке и ноутбуком, на экране которого чужой человек — или не человек — просил её не выходить.

— Мы знаем, что вы дома, — сказал мужчина.

Она не ответила. Горло пересохло так сильно, что любое слово, казалось, поцарапает его изнутри. На экране ноутбука уже появилась новая фраза:

Он не один. Второй у чёрного входа. Не открывай никому.

Лера хотела позвонить в полицию, но связи не было. Хотела написать маме, но не знала, дойдёт ли сообщение. Хотела спрятаться в ванной или на балконе, но вдруг поняла, что квартира, которая ещё десять минут назад была её единственным безопасным местом, превратилась в ловушку на одиннадцатом этаже.

— Валерия, — снова произнёс мужчина. — Нам нужно поговорить. Это касается вашей сестры.

При слове «сестра» она вскинула голову. Страх на мгновение уступил место чему-то более острому.

— Моей сестры нет, — сказала Лера, но сказала слишком тихо.

И всё же мужчина, кажется, услышал.

— Именно поэтому мы здесь.

Она сделала шаг к двери, сама не понимая зачем. Может быть, хотела посмотреть в глазок, может быть — убедиться, что замки закрыты. На телефоне тут же вспыхнуло новое сообщение:

Не трогай дверь.

Но Лера уже коснулась пальцами верхнего замка. В ту же секунду с другой стороны раздался тихий металлический щелчок. Не стук и не попытка дёрнуть ручку, а аккуратный, профессиональный звук инструмента в замочной скважине. Нижний замок дрогнул и начал медленно поворачиваться.

Лера отдёрнула руку и попятилась. Мир сузился до двери, чужого дыхания за ней и тонкой цепочки, которая вдруг показалась смешной и бесполезной.

— Что вам нужно? — спросила она громче.

Ей не ответили.

Нижний замок открылся.

На экране ноутбука появилась новая строка:

Кухня. Окно. Сейчас.

Лера смотрела на эти слова, не двигаясь. Одиннадцатый этаж. Высота, которой она боялась с детства. Открытое окно, мокрый подоконник, ветер, пустота внизу. Это было безумием.

Пожарная лестница справа. Решётка открыта.

За дверью щёлкнул верхний замок.

Тогда она побежала.

На кухне было темно и холодно от приоткрытой форточки. Лера распахнула окно, и дождь сразу ударил ей в лицо. Она высунулась наружу и справа действительно увидела узкую металлическую площадку пожарной лестницы, отделённую старой решёткой. Решётка была приоткрыта. Будто кто-то заранее позаботился о её побеге.

В прихожей лязгнула цепочка.

Лера поставила ногу на подоконник и почти сорвалась обратно, когда посмотрела вниз. Одиннадцать этажей уходили в мокрую темноту; двор казался плоским и далёким, как фотография. Телефон завибрировал в её руке.

Не смотри вниз. Смотри на руки.

Она послушалась, потому что другого выбора уже не было. Вцепившись пальцами в мокрый металл, Лера перелезла через подоконник, ударилась коленом о раму, с трудом протиснулась на площадку и прижалась спиной к холодной стене дома. Окно за ней осталось открытым, штора билась на ветру.

В квартиру вошли.

Она услышала это по изменившемуся воздуху, по тяжёлым шагам в коридоре, по мужскому голосу, сказавшему:

— Она здесь.

Через несколько секунд на кухне появился тот самый мужчина в тёмной куртке. Снаружи, за стеклом и дождём, Лера видела его лицо уже отчётливо: короткие волосы, тяжёлый внимательный взгляд, спокойствие человека, который привык доводить дело до конца. Он подошёл к окну, посмотрел на мокрый подоконник, на открытую створку, на след от её босой ноги.

Он понял.

Лера перестала дышать.

Если он выглянет, то увидит её сразу. Между ними было меньше метра, тонкая рама и мокрый воздух. Мужчина протянул руку к окну.

В этот момент во всём доме погас свет.

Не мигнул, не просел, а исчез сразу — в кухне, в соседних окнах, на лестничной площадке, во дворе, даже фонарь у подъезда погас, и мир на несколько секунд провалился в густую, почти осязаемую темноту. Снизу закричала женщина, где-то сработала автомобильная сигнализация, мужчина в кухне резко выругался.

Лера сорвалась с места и начала спускаться.

Металлическая лестница была мокрой и скользкой, ветер рвал волосы, пальцы быстро немели, а колено, которым она ударилась о раму, пульсировало острой болью. Она спускалась почти вслепую, считая пролёты, не позволяя себе думать о высоте. Один. Второй. Третий. За спиной наверху звякнул металл: мужчина полез следом.

Телефон в её ладони вспыхнул.

Ещё два этажа. Потом направо. Окно будет открыто.

Она не понимала, о каком окне идёт речь, но продолжала двигаться. На уровне восьмого этажа действительно обнаружилась узкая техническая створка, приоткрытая внутрь. Лера

толкнула её плечом, протиснулась в тёмный коридор и оказалась на лестничной клетке. Из квартир доносились встревоженные голоса, кто-то ругался из-за отключения света, хлопали двери, мелькали лучи телефонных фонариков.

Лера бежала вниз, пока дыхание не стало рваным и болезненным. На пятом этаже она спряталась за большим строительным контейнером, оставленным ремонтниками у стены, присела на корточки и зажала рот рукой. Её трясло так сильно, что она боялась выдать себя одним только дыханием.

Сверху послышались шаги.

Мужчина спускался медленно, проверяя этажи. Его ботинки остановились совсем близко, в нескольких метрах от контейнера. Лера видела их в щели между стеной и металлическим краем: чёрные, мокрые, тяжёлые. Ещё секунда — и он повернёт голову.

Внизу внезапно распахнулась дверь подъезда, и чей-то голос крикнул:

— Эй! Помогите! Тут человеку плохо!

Мужчина резко развернулся и выругался. Шаги удалились вниз.

Лера не двигалась ещё долго, хотя, возможно, прошло всего несколько секунд. Потом телефон в её руке снова завибрировал. Она посмотрела на экран сквозь выступившие слёзы и увидела сообщение:

Теперь веришь?

Она сглотнула. Пальцы почти не слушались, но она всё-таки набрала:

Кто ты?

На этот раз сообщение ушло сразу. Ответа не было так долго, что Лера успела услышать, как в доме постепенно возвращается электричество: сначала щёлкнуло что-то в щитке, потом загудел лифт, потом на лестнице моргнула и загорелась аварийная лампа, заливая стены тусклым зеленоватым светом.

Наконец экран телефона вспыхнул.

Меня зовут Ян. Лера смотрела на это имя и не понимала, почему от него стало ещё страшнее. Через секунду пришло следующее сообщение: **Я умер три года назад.**

А затем ещё одно: **И если ты хочешь узнать, почему погибла Мила, слушай меня очень внимательно.**

Глава 2 Человек у подъезда

Лера сидела на пятом этаже за строительным контейнером, прижимая телефон к груди так крепко, будто это был не кусок стекла и пластика, а единственная вещь, которая ещё удерживала её в реальности. В подъезде постепенно возвращались звуки: где-то наверху хлопнула дверь, раздражённый мужской голос потребовал у кого-то фонарик, на верхних этажах заплакал ребёнок, в шахте коротко дёрнулся лифт и снова затих. После внезапного отключения света дом звучал растерянно и сердито, как потревоженный зверь, но для Леры все эти звуки были будто за толстым стеклом. Она слышала только собственное дыхание, слишком громкое, неровное, и видела на экране последние сообщения.

«Меня зовут Ян».

«Я умер три года назад».

«Если хочешь узнать, почему Мила звонила тебе перед смертью, больше никогда не сбрасывай мой вызов».

Лера перечитала их столько раз, что слова начали терять очертания. Ей казалось, если смотреть достаточно долго, смысл изменится, станет обычным, объяснимым, безопасным, но смысл не менялся. Незнакомец — или тот, кто выдавал себя за незнакомца, — знал про Милу, про звонок, про её вину и про то, что не могло быть известно случайному человеку. Он вывел её из квартиры за несколько секунд до того, как туда вошли люди. Он знал про пожарную лестницу, открытое техническое окно, подвал, которого Лера никогда не замечала, и теперь писал так, будто был где-то рядом, хотя рядом никого не было.

Она попыталась подняться, но ноги не сразу послушались. Колено, ударенное о раму, ныло, ладонь была оцарапана, под ногтями темнела грязь с пожарной лестницы. Мокрая футболка липла к спине, босые ступни почти онемели на бетонном полу, и только теперь, когда первая волна паники немного отступила, тело начало возвращать ей всё разом: холод, боль, дрожь, металлический привкус во рту. Наверху снова послышались шаги. Лера замерла, перестав дышать, но шаги были не тяжёлые и уверенные, как у мужчины в тёмной куртке, а суетливые, домашние. Через несколько секунд из-за поворота выглянула соседка с седьмого этажа, полная женщина в махровом халате и резиновых тапках. В одной руке она держала свечку, в другой телефон с включённым фонариком.

«Господи, девушка, вы что тут делаете? Вам плохо?»

Лера открыла рот, но не смогла сразу ответить. Сказать правду было невозможно, солгать тоже требовало сил, и несколько секунд она просто смотрела на женщину так, будто не понимала языка, на котором с ней говорят.

«Я… свет выключился, — выдавила она наконец. — Я испугалась. Спускалась и ударилась».

Соседка посветила ей под ноги, на мокрую одежду, на грязные ладони, и лицо у неё сделалось подозрительным.

«Босиком?»

Лера только сейчас поняла, как выглядит: девушка в домашней одежде, мокрая, перепуганная, без обуви, прячется в подъезде за строительным мусором. Любой нормальный человек вызвал бы скорую или полицию. На мгновение ей почти захотелось, чтобы соседка так и сделала, но тут же вспомнилось, что связь уже исчезала, а те люди могли быть и внизу, и у чёрного входа, и где угодно ещё. Телефон завибрировал. Лера вздрогнула и посмотрела на экран.

«Скажи, что поссорилась с парнем. Люди верят в простые несчастья охотнее, чем в настоящие».

Она почувствовала раздражение, острое и почти спасительное. Этот Ян — кем бы он ни был — писал так, будто имел право распоряжаться её жизнью, будто заранее знал, что она скажет, куда пойдёт и чего испугается. Но хуже всего было то, что он снова оказался прав.

«Я с парнем поругалась, — сказала Лера, не глядя соседке в глаза. — Глупость. Простите. Я сейчас уйду».

Подозрение на лице женщины сразу смягчилось и уступило место привычному, усталому сочувствию.

«Ох, милая, да что ж вы босиком-то? Замёрзнете. Пойдёмте ко мне, я вам тапки какие-нибудь дам, чаю».

«Нет, спасибо. Мне правда надо вниз. Там подруга ждёт».

«Какая подруга в такую погоду?»

Лера не ответила. Она уже поднималась, держась рукой за стену, и только теперь поняла, что всё ещё сжимает телефон так крепко, что заболели пальцы. На экране больше не было сообщений. Ян молчал. Соседка что-то говорила ей вслед — про молодых, нервы и то, что нельзя бегать босиком по подъезду, — но Лера почти не слышала. Она осторожно спускалась вниз, останавливаясь на каждом пролёте и прислушиваясь. Домофон у входа снова работал; сквозь стеклянную дверь виднелись мокрый двор, слабый свет фонаря и асфальт, чёрный от дождя.

Мужчины в тёмной куртке у подъезда не было, и это почему-то не успокаивало. Лера дошла до первого этажа, но к выходу не подошла. Спряталась за выступом стены у почтовых ящиков и осторожно выглянула наружу. Во дворе стояла старая серебристая «Шкода» с включёнными габаритами, чуть дальше — чёрный внедорожник, которого она раньше здесь не видела. Возле мусорных баков курил дворник в оранжевой жилетке, у соседнего подъезда две девушки пытались поймать такси, прикрываясь одним зонтом. Всё выглядело обыденно, почти мирно, и от этого её страх на секунду показался нелепым.

Может быть, она всё неправильно поняла. Может быть, мужчины пришли не за ней. Может быть, замки открылись не потому, что их вскрывали, а потому, что в панике она сама не заметила, как повернула защёлку. Может быть, не было никакой угрозы, никакого Яна, никакого человека, который умер три года назад. Годовщина, недосып, вина, одиночество — из этого можно собрать любую галлюцинацию, и Лера почти ухватилась за эту мысль, потому что безумие, как ни странно, казалось менее страшным, чем чужая продуманная охота.

Телефон завибрировал.

«Не выходи через главный вход».

Лера стиснула зубы и быстро набрала: «Хватит. Кто ты такой? Что тебе нужно?»

Сообщение ушло, но ответ пришёл не сразу. В эти несколько секунд она успела услышать, как за дверью подъезда проехала машина, как где-то вдалеке взвизгнули тормоза, как вода капает с козырька на ступени. Наконец экран вспыхнул.

«Мне нужно, чтобы ты жила хотя бы до утра».

В этой фразе не было ни угрозы, ни просьбы. Она была сказана почти буднично, и именно поэтому звучала страшнее.

«Почему?» — написала она.

«Потому что сегодня они решили, что ты знаешь больше, чем знаешь на самом деле».

Лера посмотрела на чёрный внедорожник во дворе. Ей вдруг стало ясно, что вернуться в квартиру она не сможет. Там была открытая дверь, чужие следы, возможно — эти люди. И даже если они ушли, сама мысль о том, чтобы подняться наверх, пройти по коридору, войти в кухню с распахнутым окном, была невыносима. Она вспомнила о маме: надо было позвонить ей, услышать живой голос, сказать хоть что-нибудь, пусть даже бессмысленное, но как объяснить матери, что в годовщину смерти Милы неизвестный номер предупредил её о людях

у двери, ноутбук включился сам, а теперь кто-то по имени Ян утверждает, что умер три года назад?

Связь на телефоне появилась вновь — две слабые полоски. Лера открыла список вызовов. Два пропущенных от мамы висели сверху, как укор. Она уже нажала на имя, но экран сам погас, затем снова включился с новым сообщением.

«Не звони ей из подъезда. Они слушают ближайшие вышки».

«Да кто они?» — прошептала Лера.

На экране появилась короткая пауза, затем ответ:

«Люди, которые однажды уже заставили полицию поверить в несчастный случай».

У Леры подкосились ноги. Она опёрлась плечом о стену рядом с почтовыми ящиками, потому что фраза попала точно в то место, где всё ещё жила её самая страшная мысль. Несчастный случай. Так называлась смерть Милы во всех бумагах. Так говорили следователь, врач, знакомые, мама, когда пыталась не сойти с ума. Так Лера сама повторяла ночами, пока слова не становились пустыми.

Она медленно набрала: «Милу убили?»

Ответа не было слишком долго. Лера смотрела на экран, чувствуя, как внутри всё натягивается до боли. Если Ян напишет «да», мир окончательно изменится. Если напишет «нет», она всё равно уже не поверит. Наконец пришло сообщение:

«Я не знаю. Мне оставили не всю память. Но она умерла не так, как тебе сказали».

Лера перечитала его, и злость вернулась — горячая, резкая, почти спасительная. Ей захотелось швырнуть телефон в стену, потому что это было жестоко: появиться через год, вытащить её из квартиры, напомнить о звонке, а потом сказать «я не знаю». Незнакомец с невозможного номера играл с её самой страшной болью, и она ненавидела себя за то, что продолжала читать.

«Докажи», — написала она.

Ответ пришёл сразу.

«У Милы был жёлтый шарф. Ты сказала, что он ей не идёт. Она всё равно носила его, потому что купила в тот день, когда вы впервые за год нормально поговорили. В кафе на Покровке. Ты заказала ей чизкейк, хотя она говорила, что на диете».

Лера застыла. Кафе на Покровке, чизкейк, жёлтый шарф — это не было воспоминанием, которым делятся с посторонними. Маленький случайный день, один из тех, что становятся драгоценными только после смерти человека. Мила действительно купила шарф после того кафе, в крошечном магазине рядом с остановкой, смеясь, что будет выглядеть как солнечный знак аварийной остановки. Лера сказала, что цвет ужасный, а Мила показала ей язык и всё равно пошла к кассе.

Об этом знали только они. Может быть, мама, если Мила рассказывала, но мама не стала бы устраивать такой кошмар.

Лера подняла взгляд на двор и увидела, что мужчина у подъезда снова появился. Он вышел из тени между припаркованными машинами так спокойно, будто всё это время просто стоял там и ждал. Теперь она видела его лучше: высокий, широкоплечий, в тёмной куртке без капюшона. Он не смотрел на окна; он смотрел на входную дверь. На неё.

Телефон ожил в ладони.

«Назад. В подвал. Через дверь справа от лифта. Код 1904».

Лера оглянулась. Справа от лифта действительно была низкая металлическая дверь с кодовым замком, заляпанным краской. Она никогда не обращала на неё внимания, решив однажды, что это подсобка управляющей компании. Теперь дверь казалась единственным выходом. Лера подбежала к ней, набрала 1904, замок тихо пискнул, и створка открылась. В лицо пахнуло сыростью, пылью и старым железом.

Она вошла внутрь и закрыла за собой дверь как можно тише. За ней начиналась узкая лестница вниз, освещённая одной тусклой лампочкой. Где-то гудели трубы, капала вода. В

детстве она боялась таких мест, но сейчас подвал показался лучше освещённого подъезда, потому что в темноте хотя бы можно было спрятаться.

«Иди до конца коридора. Там аварийный выход во двор за домом».

Лера хотела спросить, откуда Ян знает код, план дома, открытые окна и пожарные лестницы, но каждый вопрос упирался в ещё более страшный: кто вообще может знать всё это, если не тот, кто находится внутри камер, замков, сетей, электричества, внутри самого города? Она пошла по подвалу, стараясь ступать тихо. Бетон был влажным и ледяным, босые ступни быстро испачкались, но она почти не замечала этого. Подвал тянулся длиннее, чем должен был, и в какой-то момент ей показалось, что она не выберется отсюда никогда.

Телефон показал новое сообщение:

«Через десять секунд он войдёт в подъезд. Не останавливайся».

Сзади, приглушённо, через бетон и металл, хлопнула входная дверь. Лера ускорилась. В конце коридора обнаружилась аварийная дверь; она толкнула её плечом, но дверь не поддалась. Ручка была ржавая, холодная, неподвижная.

«Ниже ручки засов. Слева».

Она нащупала засов и с усилием сдвинула его. Металл заскрежетал так громко, что Лера вздрогнула. Дверь открылась в узкий дворик за домом, заставленный мусорными контейнерами и старыми деревянными поддонами. Дождь здесь был тише, потому что двор закрывали высокие стены. Лера выскользнула наружу и остановилась, не понимая, куда идти дальше. Дом с этой стороны выглядел незнакомым, как чужой.

«Налево. Через арку. Не выходи к подъезду».

Она двинулась вдоль стены. Босые ноги ступали по мокрому асфальту, каждый шаг отдавался болью, и только теперь она вспомнила, что наверху остались паспорт, деньги, банковские карты, ключи, обувь, куртка. Всё, что делало человека человеком в городе. При ней был только телефон, который, возможно, контролировал мёртвый мужчина.

У арки Лера остановилась. Впереди открывалась улица, справа, если обойти дом, был её подъезд; слева — остановка, небольшой круглосуточный магазин и аптека. Там были люди, камеры, кассирша, свет. Там можно было попросить помощи.

«Не к магазину. Там второй».

Лера устало прислонилась к стене.

«Тогда куда?» — выдохнула она.

Телефон завибрировал, будто ответил на её голос.

«К дороге. Сейчас будет красная машина. Она не успеет затормозить. Ты должна увидеть это сама».

Лера не поняла. Или поняла слишком поздно. Она осторожно выглянула из арки в сторону улицы. Дождь усилился, фары машин растекались по мокрому асфальту, светофор на перекрёстке мигал жёлтым. У подъезда её дома, ровно в том месте, где она стояла бы, если бы вышла в 22:28, теперь пустовало пространство под козырьком.

Из-за поворота вылетела красная машина. Она ехала слишком быстро для двора; Лера услышала визг тормозов почти одновременно с тем, как водитель попытался вывернуть руль. Машину занесло на мокрой плитке, она проскользила боком, снесла металлическое ограждение у газона и с глухим, страшным ударом врезалась точно в козырёк подъезда. Удар был такой силы, что во дворе закричали. Сработали сигнализации сразу у нескольких машин. Из подъезда начали выбегать люди, кто-то ругался, кто-то звонил в скорую, кто-то снимал на телефон. Красная машина стояла, уткнувшись смятым капотом в ступени; из-под капота валил пар, на асфальте быстро расползалось тёмное пятно.

Лера не могла пошевелиться. Она смотрела на искорёженный металл, на разбитые фары, на место, где ещё недавно видела мужчину с сигаретой, и постепенно до неё доходило: если бы

она не поверила сообщению, если бы решила доказать себе, что не боится, если бы спустилась к подъезду в указанное время, машина ударила бы по ней.

Телефон завибрировал.

«Теперь ты веришь?»

Лера опустила взгляд на экран. Дождь падал на стекло, буквы расплывались. Она вытерла экран рукавом, хотя рукав был мокрый, и несколько секунд просто смотрела на сообщение. Вокруг кричали люди, кто-то пытался открыть водительскую дверь, из разбитой машины доносился хриплый сигнал клаксона, но всё это стало фоном, потому что главное уже случилось: мир перестал быть прежним окончательно.

Она набрала: «Кто ты?»

Пальцы дрожали так сильно, что она дважды промахнулась по буквам. Сообщение ушло. Ответ пришёл не сразу; пауза была длинной, почти человеческой, словно тот, кто писал, тоже выбирал слова.

«Я уже сказал. Меня зовут Ян».

Через несколько секунд появилось второе сообщение:

«Я умер три года назад в лаборатории „Нейросферы“».

Лера прочитала название и почувствовала странный отклик памяти. «Нейросфера» — она где-то слышала это слово: в новостях, в рекламе, может быть, от Милы. Большой технологический фонд, медицинские разработки, искусственный интеллект, цифровая реабилитация, красивые ролики с улыбающимися людьми. Что-то прогрессивное, дорогое и далёкое от её жизни. До сегодняшнего вечера.

«Если ты умер, как ты мне пишешь?» — набрала она.

«Не знаю, как объяснить коротко. Часть меня осталась в системе. Часть — в том, что Мила успела спрятать».

«Что она спрятала?»

«Ключ. И правду».

У арки послышались шаги. Лера подняла голову. По двору к месту аварии бежали люди, но один человек двигался в другую сторону. Мужчина в тёмной куртке вышел из подъезда, остановился возле разбитой машины, быстро осмотрел толпу, затем повернул голову к арке. Он искал её.

На экране вспыхнуло:

«Он увидел тебя. Беги к остановке, но не садись в первый автобус».

Лера сорвалась с места. Теперь она уже не думала о босых ногах, холоде и о том, как выглядит. Она бежала по мокрой улице мимо мусорных баков, стены с облупившейся рекламой, женщины с собакой, которая испуганно отступила в сторону. За спиной послышался окрик, но Лера не обернулась.

Остановка была в пятидесяти метрах. Под навесом стояли трое: парень в наушниках, пожилая женщина с сумкой на колёсиках и курьер с большим жёлтым рюкзаком. Их спокойная повседневность показалась Лере почти невозможной. Они ждали транспорт, мерзли, смотрели в телефоны и не знали, что в нескольких дворах отсюда кто-то только что пытался то ли напугать, то ли убить её.

К остановке подошёл автобус, двери раскрылись с влажным шипением.

«Не этот».

Лера осталась под навесом. Парень и пожилая женщина вошли внутрь, курьер остался, раздражённо сверяясь с картой. Автобус уехал, обдав их холодными брызгами. В отражении стекла Лера увидела мужчину в тёмной куртке: он появился у конца улицы и шёл быстро, не бегом, но так, что расстояние между ними сокращалось.

«Что дальше?» — написала она.

«Через минуту подъедет такси. Серый „Логан“. Водитель — женщина. Скажи адрес: Складочная, 14. Там безопасно на ближайшие два часа».

«Почему я должна тебе верить?»

«Не должна. Но за последние двадцать минут неверие несколько раз пыталось тебя убить».

К остановке действительно подъехал серый «Логан». За рулём сидела женщина лет пятидесяти в пуховике, с ярко накрашенными губами и усталым лицом. Она опустила стекло и спросила:

«Валерия?»

Лера отшатнулась, но телефон тут же завибрировал.

«Я вызвал. Садись».

«Вы Валерия? — повторила водительница. — Поездка на Складочную?»

Мужчина в тёмной куртке был уже совсем близко. Ещё несколько секунд — и он окажется под навесом. Лера открыла заднюю дверь и села в машину.

«Быстрее, пожалуйста», — сказала она.

Водительница посмотрела на неё в зеркало, увидела мокрые волосы, босые ноги, лицо, с которого, вероятно, ушла вся кровь, и без лишних вопросов нажала на газ. Машина тронулась как раз в тот момент, когда мужчина подошёл к остановке. Лера обернулась через заднее стекло и увидела, как он достаёт телефон. Его лицо оставалось спокойным, не злым, не растерянным, не испуганным. Просто сосредоточенным. Так смотрят люди, которые уверены, что погоня ещё не закончилась.

Лера опустилась ниже на сиденье. В салоне пахло мятными леденцами, дешёвым ароматизатором и влажной тканью. На передней панели тихо играло радио, ведущая бодрым голосом рассказывала о пробках на Третьем кольце. Этот мир — с пробками, рекламой, такси, жёлтыми огнями витрин — продолжал существовать, и Лера вдруг почувствовала, что больше не принадлежит ему полностью.

Телефон снова вспыхнул.

«Не говори водителю ничего лишнего. Не называй маму. Не называй Милу. И не произноси моё имя вслух».

«Почему?»

«Потому что я не знаю, где ещё они слушают».

Лера посмотрела в окно. Город плыл за стеклом мокрыми огнями. Люди переходили дорогу, кто-то выходил из магазина с пакетом, подростки смеялись у пиццерии. Обычная жизнь была совсем рядом, за несколькими миллиметрами стекла, но Лера уже знала, что это обманчивая близость. Достаточно одного сообщения — и подъезд становится ловушкой, двор местом аварии, а незнакомый мёртвый человек — единственным, кто пытается сохранить тебе жизнь.

Она долго не писала. Просто держала телефон в ладонях и смотрела на своё отражение в окне такси. Девушка с мокрыми волосами, серым лицом, в домашней одежде и без обуви смотрела на неё из темноты чужими глазами. Ещё час назад она была человеком, который не хотел отвечать на звонок матери. Теперь она была человеком, которого преследовали неизвестные люди и спасал тот, кто утверждал, что умер три года назад.

Наконец Лера набрала:

«Что ты хочешь от меня?»

Ответ появился не сразу.

«Сначала — чтобы ты выжила».

Потом пришло ещё одно сообщение:

«Потом — чтобы ты нашла старый телефон Милы».

Лера похолодела. Старый телефон Милы лежал в коробке под письменным столом, в её квартире, куда она теперь не могла вернуться. Телефон с разбитым углом, который полиция вернула вместе с вещами. Лера ни разу не включала его после похорон, потому что боялась увидеть последние сообщения, фотографии и тот самый пропущенный вызов, который когда-то сбросила.

«Зачем?» — написала она.

«Потому что перед смертью она успела оставить там то, из-за чего убили меня».

Лера закрыла глаза. Такси свернуло на широкую улицу, и мокрый город потянулся за окнами длинными линиями света.

Через несколько секунд пришло последнее сообщение:

«И, возможно, то, из-за чего теперь ищут тебя».

Начало формы

Конец формы

Глава 3 Мёртвые не пишут

Такси ехало слишком быстро для мокрого города, но Лера всё равно каждую минуту оглядывалась назад. Ей казалось, что чёрная куртка сейчас возникнет в заднем стекле, что знакомая фигура появится на соседней полосе, в салоне другой машины, под козырьком остановки, на углу, в отражении витрины. Но за ними тянулись только фары, длинные размытые полосы света на асфальте и обычная вечерняя Москва, которая не знала, что для одного человека этой ночью всё уже закончилось прежним образом и началось заново — неправильно, страшно, с чужого сообщения на экране. Водительница несколько раз смотрела на неё в зеркало, но вопросов не задавала. Лера была ей за это почти благодарна. В салоне пахло влажной тканью, мятными леденцами и дешёвым автомобильным ароматизатором с нарисованной ванилью, хотя никакой ванилью он, конечно, не пах. Радио бормотало о пробках, перекрытиях и каком-то утреннем прогнозе погоды, будто впереди действительно было обычное утро, а не продолжение ночи, из которой Лера пока не видела выхода. Она сидела на заднем сиденье, поджав под себя босые ноги, и держала телефон так, чтобы водительница не могла видеть экран. Последнее сообщение Яна всё ещё светилось в чате. «И, возможно, то, из-за чего теперь ищут тебя». Лера перечитала его несколько раз, потом закрыла чат, снова открыла, будто надеялась, что фраза исчезнет или хотя бы изменится. Ничего не изменилось. Имя отправителя по-прежнему не отображалось; сверху был только длинный номер, который, как она уже знала, «не существовал». Рядом с сообщениями не было привычных отметок доставки, не было аватарки, не было ничего, за что можно было бы зацепиться разумом. Только текст. Спокойный, точный, слишком осведомлённый. Она набрала: «Куда мы едем? Что на Складочной, 14?» Ответ пришёл не сразу. За окном пронеслась заправка, затем тёмный сквер, затем длинное здание с горящими окнами, похожее на офис, где люди задержались допоздна и всё ещё делали вид, что их жизнь поддаётся планированию. «Место, где можно переждать. Там нет камер фонда». «Какого фонда? „Нейросферы“?» Пауза. «Да». Лера посмотрела на это короткое «да» и почувствовала, как раздражение снова поднимается в ней. Страх за последний час успел стать почти привычным, но раздражение было живее и крепче. Оно возвращало ей ощущение себя, пусть даже ненадёжное. «Ты пишешь так, будто я должна понимать, о чём речь. Я ничего не понимаю». «Знаю». «Тогда объясни». «Не сейчас. Ты сначала должна убедиться, что я не выдумка». Лера тихо усмехнулась, но в этом смешке не было веселья. «Ты серьёзно? После того, как ты взломал мой ноутбук, вывел меня через окно, открыл подвал, вызвал такси и сообщил, что умер три года назад?» Ответ пришёл почти сразу: «Именно поэтому». Она стиснула телефон в ладони. За этой фразой чувствовалось что-то странное — не только логика, но и усталость, будто тот, кто писал, уже не раз пытался объяснять невозможное и знал, что любые слова будут звучать безумно. Лера хотела ответить резко, но в этот момент машина свернула с широкой улицы в промзону, где свет становился реже, дома ниже, а тротуары грязнее. За окнами потянулись складские корпуса, заборы, ворота с облезшими табличками, редкие фонари над лужами. Город здесь был не ночным и красивым, а служебным, изнаночным: ржавые трубы, мокрый бетон, грузовые машины, неоновые вывески автосервисов. «Складочная, четырнадцать», — сказала водительница, притормаживая у длинного серого здания. — «Только я не знаю, кто вас здесь ждёт, девушка. Тут в такое время…» Она не договорила, но Лера поняла. Здание выглядело так, будто днём в нём торговали упаковочной плёнкой, ремонтировали принтеры и хранили списанную офисную мебель, а ночью оно принадлежало крысам, охранникам и людям, которым лучше не задавать вопросов. Телефон завибрировал. «Заплати наличными не получится. Я оплатил поездку. Выходи, но не через центральную дверь здания. Справа арка, потом лестница вниз. Код 7712». Лера прочитала сообщение и подняла взгляд на водительницу. «Спасибо», — сказала она. «Вам точно не нужна помощь?» — спросила женщина, разглядывая её

в зеркало уже без всякой профессиональной отстранённости. — «Вы вся мокрая. И босиком. Может, в травмпункт? Или полицию?» Лера почти ответила: «Да». Слово уже было на языке. Полиция — нормальный путь для нормального мира. Но за последний час нормальный мир несколько раз показал, что либо не успевает, либо смотрит не туда. Кроме того, Ян написал, что однажды этих людей уже заставили поверить в несчастный случай. Если это было правдой хотя бы наполовину, звонок в полицию мог привести не к спасению, а к новым дверям без выхода. «Нет, всё нормально», — сказала она и тут же услышала, как фальшиво звучат эти слова. — «Меня встретят». Водительница не поверила, но спорить не стала. Лера вышла под дождь, и холодный асфальт сразу обжёг босые ступни. Такси постояло ещё несколько секунд, словно женщина за рулём сомневалась, не выйти ли следом, потом медленно отъехало и исчезло за поворотом. Лера осталась одна перед серым зданием, в чужом районе, без куртки, без документов, без ключей и почти без способности понимать, что делать дальше. Телефон подсветил ладонь. «Справа. Арка». Она пошла. Арка оказалась узким проходом между корпусами. За ней — маленький внутренний двор, заставленный деревянными палетами и пластиковыми контейнерами. В глубине действительно была лестница вниз, к металлической двери. Кодовый замок на ней выглядел новым, не подходящим к ржавой двери и старой кирпичной стене. Лера набрала 7712. Замок щёлкнул. За дверью было темно, тепло и пахло пылью, картоном, кофе и старой проводкой. Лера вошла внутрь, осторожно закрыла дверь и оказалась в небольшом помещении, похожем на бывшую кладовую. У стены стоял старый диван с продавленной серой обивкой, рядом — стол, электрический чайник, пачка одноразовых стаканчиков, удлинитель, несколько коробок с надписями маркером. На полу лежал дешёвый коврик. В углу стояли кроссовки, явно женские, почти новые, и тёмная толстовка. Телефон завибрировал. «Кроссовки и толстовка для тебя. Размер должен подойти». Лера медленно подняла глаза от экрана к вещам. Несколько секунд она не двигалась. Потом подошла, взяла толстовку, проверила карманы. Пусто. Кроссовки были её размера или очень близко к нему. Рядом лежали чистые носки в упаковке. Это оказалось почему-то страшнее многих сообщений. Опасность во дворе, мужчина у двери, авария — всё это было стремительным, острым, похожим на кошмар.

А вот кроссовки нужного размера в закрытой комнате на Складочной -означали подготовку. Кто-то знал, что она прибежит босиком. Кто-то знал не только то, где она будет, но и что ей понадобится. Лера почувствовала, как внутри снова холодеет. Она набрала: «Ты подготовил это заранее?» «Нет. Попросил человека, которому ещё могу доверять. Она оставила вещи два часа назад». «Два часа назад я была дома». «Два часа назад я уже видел, что за тобой пришли». Лера опустилась на диван. Пружины скрипнули. Она аккуратно надела носки, потом кроссовки, натянула толстовку поверх мокрой футболки. Ткань была мягкой и сухой, пахла магазином и чужим стиральным порошком. От этого простого ощущения — сухая одежда, обувь на ногах — ей вдруг захотелось заплакать. Но слёз не было. Всё внутри как будто стало слишком напряжённым и не могло разжаться. На столе лежал старый планшет с треснувшим углом. Экран был погашен, но рядом мигал зарядный кабель. Лера посмотрела на телефон. Новое сообщение появилось раньше, чем она успела спросить. «Планшет не подключён к твоим аккаунтам. Используй его. Найди моё имя». Лера взяла планшет. Он включился без пароля. На главном экране было всего несколько приложений: браузер, заметки, калькулятор, пустая галерея. Никаких соцсетей, никаких мессенджеров. Она открыла браузер, пальцы зависли над клавиатурой. На мгновение ей стало почти смешно. После всего, что случилось, самым важным действием оказалось обычное движение: ввести имя в поисковую строку. Она набрала: «Ян Ветров Нейросфера». Результаты появились мгновенно. Сначала несколько сухих ссылок, затем старая новостная заметка с архивной фотографией. Лера нажала на неё, и страница открылась медленно, рывками, будто сама не хотела возвращать прошлое. Заголовок был короткий: «При пожаре в исследовательском центре фонда „Нейросфера“ погиб молодой программист». Дата — три года назад. Почти день в день, как он сказал. Лера почувствовала, как

сердце делает странный пустой удар. Она прочитала заголовок снова, потом начала читать сам текст, цепляясь за каждое слово, как за доказательство, но доказательство не успокаивало. Оно разрушало последнюю удобную версию. В статье говорилось, что ночью в закрытом исследовательском центре фонда «Нейросфера» произошёл пожар из-за короткого замыкания в серверном блоке. Сотрудников эвакуировали, но один человек погиб — Ян Сергеевич Ветров, двадцать семь лет, программист лаборатории когнитивных интерфейсов. Руководство фонда выразило соболезнования семье погибшего и пообещало оказать всю необходимую помощь. Причины пожара расследуются. Угрозы для окружающих нет. Проект временно приостановлен. Под текстом была фотография. Лера увеличила её двумя пальцами. На снимке был молодой мужчина в тёмной рубашке, с чуть растрёпанными волосами и лицом, которое не подходило к слову «погиб». Такие лица бывают у людей, которых фотограф застал в середине разговора: уголок рта чуть приподнят, глаза смотрят не в объектив, а на кого-то рядом, будто он сейчас ответит шуткой и отвернётся. Лера смотрела на фотографию дольше, чем собиралась. Не потому, что лицо было красивым, хотя оно было красивым — не журнально, а живо: внимательные глаза, усталость у висков, мягкая линия губ. Её поразило другое. У мёртвых в новостях обычно сразу появляется дистанция: они становятся именем, возрастом, должностью. Этот человек на экране не успел стать новостью. Он всё ещё выглядел так, будто мог написать: «Не выходи». Лера медленно провела пальцем по странице вниз. Ниже были несколько комментариев трёхлетней давности: «Соболезнования родным», «Какой ужас», «Опять безопасность на нуле», «Фонд всё замнёт». Потом ссылка на официальный пресс-релиз «Нейросферы». На красивой странице фонда всё было сказано ещё суше: трагический инцидент, талантливый специалист, большая потеря для команды, независимая экспертиза. Она вернулась к поиску. Нашла ещё одну статью, потом третью. Везде одно и то же: пожар, короткое замыкание, погибший программист, закрытая лаборатория. Никаких подробностей, никаких интервью с родственниками, никаких фотографий с похорон. Через пару дней тема исчезла из новостей, как исчезают тысячи чужих трагедий, если за ними не стоит громкий скандал. Лера открыла изображение Яна снова. Телефон завибрировал. «Нашла?» Она вздрогнула. Несколько секунд смотрела то на фотографию на планшете, то на сообщение на телефоне. «Да», — написала она. «Теперь понимаешь, почему я не мог просто позвонить в полицию?» «Я понимаю только, что человек с твоим именем умер три года назад. Это не значит, что ты он». Ответа не было. Лера почувствовала неожиданное удовлетворение: наконец-то она сказала то, что нужно было сказать с самого начала. Да, кто-то знал слишком много. Да, кто-то спас её. Да, в интернете была статья о Яне Ветрове. Но это всё ещё не доказывало, что с ней разговаривает мёртвый. Мёртвые не пишут. Мёртвые не вызывают такси, не открывают подвалы, не знают размер обуви. Значит, пишет живой. Живой человек, который нашёл старую историю, взял имя погибшего программиста и решил использовать её страх, вину, сестру, всё самое больное. Эта мысль была чудовищной, но привычной. В ней хотя бы существовали люди, а не призраки в системе. Она быстро набрала: «Кто бы ты ни был, ты мог найти статью. Мог узнать про Милу. Мог следить за мной. Мог подстроить аварию. Это не доказывает, что ты Ян». Ответ пришёл почти сразу: «Нет. Не доказывает». Лера ждала продолжения, но его не было. «И всё?» — написала она. — «Ты даже не будешь спорить?» «Буду. Но не статьёй». Экран телефона погас на секунду, затем снова вспыхнул. «Твой последний разговор с Милой начался не с денег». Лера застыла. Воздух в комнате будто стал гуще. Она медленно опустила планшет на колени и посмотрела на телефон. Сообщение висело на экране, простое, безжалостное. «Не надо», — написала она, сама не понимая, кому приказывает. Но Ян продолжил. «Она сказала: „Ты даже не спросила, почему я вернулась пешком“. Ты ответила: „Потому что у тебя опять драма“. Она рассмеялась, но ты услышала, что она плачет. Ты сделала вид, что не услышала». Лера встала так резко, что планшет упал на диван. Ей стало нечем дышать. Эта часть разговора нигде не могла сохраниться. Они говорили вживую, на кухне старой квартиры, без свидетелей. Мама тогда спала

в соседней комнате после таблетки от давления. Лера помнила, как Мила стояла у раковины, мокрые волосы прилипли к щекам, тушь размазалась под глазами, а на запястье темнел синяк. Лера увидела синяк и спросила не о нём, а о деньгах, потому что так было проще. Деньги — понятная злость. Синяк — вопрос, после которого, возможно, пришлось бы спасать сестру по-настоящему. Телефон завибрировал снова. «Потом она сказала, что боится. Не его. Не парня. Она сказала: „Лер, там не люди какие-то. Там хуже“. Ты подумала, что она преувеличивает». Лера закрыла глаза. Воспоминание поднялось так резко, будто кто-то распахнул дверь в запертую комнату. Она слышала голос Милы: сорванный, злой, испуганный. Видела, как сестра то сжимает, то разжимает пальцы, будто хочет рассказать и не может. А она, Лера, стояла у холодильника и думала, что у неё завтра сдача проекта, что мама опять будет переживать, что Мила снова втянулась во что-то глупое. Ей хотелось не спасать, а прекратить шум. «Откуда ты это знаешь?» — написала она. Пальцы плохо слушались. Ответ: «Она рассказала мне позже». «Когда позже?» «После того, как ушла от тебя». Лера опустилась обратно на диван. В комнате стало слишком тихо. Где-то за стеной гудела вентиляция, в трубах шла вода, дождь стучал по металлическому козырьку снаружи. Она пыталась вспомнить, что было после той ссоры. Мила ушла около десяти, хлопнув дверью. Потом Лера злилась, ходила по кухне, писала сообщение и стирала. В 23:47 Мила позвонила. Лера сбросила. Через сорок минут полиции уже звонили ей. Значит, между уходом и смертью Мила успела с кем-то говорить. С ним? «Ты видел её той ночью?» — написала Лера. Ответа долго не было. Потом появилось: «Не так, как ты думаешь». «Это не ответ». «Я не могу пока дать полный. У меня повреждена память». Лера сжала телефон. Слова «повреждена память» звучали слишком удобно. Как оправдание для любого провала, любой недосказанности. «Зато ты отлично помнишь то, чем можно меня сломать». На этот раз Ян ответил не сразу. «Я не хочу тебя ломать». «Уже поздно». Экран оставался неподвижным почти минуту. Лера успела подняться, пройтись по маленькой комнате, остановиться у стола, снова вернуться к дивану. Толстовка согревала, но внутри её трясло всё сильнее. Она чувствовала себя так, будто незнакомец без разрешения вошёл не в квартиру, а в её память, переставил там вещи, открыл ящики, которые она сама боялась трогать. Наконец пришло сообщение: «В коробке с вещами Милы лежит кулон. Серебряный, в виде маленькой ласточки. Ты не отдала его маме, потому что Мила украла его у тебя в семнадцать, а потом сказала, что он ей нужнее. Ты злилась, но позволила ей оставить». Лера перестала двигаться. Кулон. Коробка стояла под столом в её квартире. Внутри были шарф, косметичка, старый телефон, несколько чеков, связка резинок для волос, потрёпанный блокнот и маленький серебряный кулон в форме ласточки на тонкой цепочке. Полиция вернула его вместе с вещами, но цепочка была порвана, и Лера долго держала её в руках, пытаясь понять, была ли она порвана до падения или после. Маме она про кулон не сказала. Не потому, что хотела оставить украшение себе. Просто это была их с Милой история, глупая, давняя, почти детская. Лера купила кулон на первую зарплату, а Мила взяла его «на один вечер» и больше не вернула. Потом сказала, что ласточка приносит ей удачу. Лера тогда фыркнула и разрешила носить. Никто не мог знать этого. Никто, кроме Милы. Телефон снова вспыхнул. «Она была в нём той ночью». Лера медленно села. Ноги больше не держали. Планшет лежал рядом, на нём всё ещё была открыта фотография Яна Ветрова из старой новости. На одном экране — лицо мёртвого программиста, на другом — сообщения от человека, который знал тайну кулона, последний разговор, жёлтый шарф, кафе на Покровке и то, что Мила боялась не своего парня. Лера вдруг ясно поняла: она больше не может прятаться за мыслью, что это розыгрыш. Розыгрыши не бывают такими точными. За ними не стоят аварии, отключения света, открытые подвалы, чужая память и мёртвые имена из старых новостей. Если это и был обман, то слишком большой, слишком дорогой, слишком личный, чтобы сводиться к издевательству. Она набрала медленно: «Что ты хочешь, чтобы я сделала?» Ответ пришёл почти сразу: «Вернулась за телефоном Милы». Лера горько усмехнулась. Значит, всё опять сводилось к этому. К квартире, откуда она только что едва

выбралась. К коробке под столом. К старому телефону, который она год боялась включить. «Там они». «Сейчас — да». «Тогда как я вернусь?» «Не сейчас. У тебя есть несколько часов. Они будут искать тебя снаружи. Квартиру проверят, заберут то, что смогут найти, но телефон Милы они не найдут». «Почему?» Пауза. «Потому что ты спрятала его не в коробке». Лера нахмурилась. Первым движением было возразить. Телефон Милы лежал в коробке, она помнила. Полиция вернула его в прозрачном пакете, Лера вскрыла пакет, посмотрела на разбитый угол, не включила и положила к остальным вещам. Так было. Она точно помнила. И всё же через несколько секунд память дрогнула. Нет. Сразу после похорон мама приехала к ней, увидела коробку и сказала, что не может смотреть на вещи Милы. Лера тогда испугалась, что мама захочет забрать телефон, открыть переписки, искать последние следы дочери, и переложила его в другое место. Не в коробку. В старый жестяной футляр из-под карандашей, который стоял на верхней полке шкафа с документами. Потом она забыла об этом — или заставила себя забыть, потому что так было легче. Она не писала Яну несколько секунд. Потом набрала: «Откуда ты знаешь?» «Мила сказала, что ты всегда прячешь самое важное выше уровня глаз. Потому что в детстве она рылась в твоих ящиках, но никогда не смотрела наверх». Лера закрыла лицо ладонью. Это было слишком. Слишком точно, слишком по-настоящему, слишком похоже на Милу. Она вдруг увидела сестру живой: та стоит на стуле в их старой комнате, тянется к верхней полке, смеётся, что Лера всё равно не умеет прятать. Воспоминание оказалось таким ярким, что Лера почти услышала ее голос, и на секунду, перестала понимать, где находится — в чужой кладовой на Складочной или в своей подростковой комнате много лет назад. Телефон снова завибрировал. «Лера». Она посмотрела на экран. «Я понимаю, что ты мне не доверяешь. И правильно делаешь». Она ждала продолжения. «Но Мила доверяла. В конце — доверяла. И если мы не найдём то, что она оставила, её смерть останется несчастным случаем. Навсегда». Лера долго смотрела на это сообщение. В нём не было прямого давления, но оно всё равно давило сильнее угроз. Потому что Ян выбрал единственное, перед чем она была бессильна: не любовь, не страх, не любопытство, а возможность хотя бы сейчас ответить на тот звонок, который она сбросила год назад. В комнате было тихо. Планшет начал гаснуть, и фотография Яна медленно исчезла с экрана, оставив после себя только её отражение — бледное лицо, влажные волосы, глаза человека, который ещё не принял решение, но уже знает, что примет. Лера набрала: «Если я помогу тебе, ты расскажешь мне всё о Миле?» Ответ пришёл не сразу. «Всё, что помню». «А если вспомнишь больше?» «Тогда сначала скажу тебе. Даже если правда будет хуже, чем мы думаем». Она перечитала это несколько раз. Потом положила телефон рядом, встала и подошла к маленькому столу. Там, рядом с чайником, лежала пачка одноразовых стаканчиков и несколько пакетиков дешёвого чая. Лера налила воду, но руки дрожали так сильно, что часть пролилась на стол. Ей нужно было сделать хоть что-то обычное, человеческое, простое. Нагреть воду. Держать стакан. Дышать. Пока чайник шумел, планшет снова включился сам. На экране, поверх старой статьи о пожаре, открылось новое окно. Сначала Лера подумала, что это реклама или сбой, но потом увидела фотографию. Плохую, смазанную, будто снятую с камеры наблюдения. На ней Мила стояла в коридоре какого-то здания. На ней был жёлтый шарф и тот самый кулон-ласточка. Рядом с ней — мужчина, лицо которого было наполовину закрыто тенью. Лера медленно приблизилась к экрану. Она знала это место. Не сразу, не разумом — телом. Холод прошёл по спине раньше, чем она успела вспомнить. Такой коридор был в старом корпусе возле набережной, где потом нашли Милу. Именно там, по словам полиции, она могла проходить перед тем, как выйти к воде. Снимок был датирован той ночью. 23:39. За восемь минут до пропущенного звонка. Телефон завибрировал. «Это последний кадр, который Мила успела отправить мне перед тем, как позвонила тебе». Лера не могла отвести взгляд от фотографии. Мила смотрела не в камеру, а куда-то в сторону, будто услышала звук. В её позе было напряжение, которого не заметишь на семейных снимках, но сразу увидишь, если знаешь человека слишком хорошо. Она боялась. Не капризничала, не

драматизировала, не преувеличивала. Боялась по-настоящему. Лера прошептала: «Мила, что ты там делала?» Телефон мигнул новым сообщением. «Именно это нам нужно узнать». В этот момент за металлической дверью, ведущей во внутренний двор, что-то тихо скребнуло. Лера обернулась. Сначала ей показалось, что это крыса или ветка, задевшая дверь снаружи. Но звук повторился — короткий, осторожный, металлический. Как будто кто-то медленно вставлял инструмент в замок. Телефон в её руке вспыхнул. «Лера, выключи свет». Она не двинулась. Скрежет стал громче. Новое сообщение появилось сразу: «Они нашли убежище. Не паникуй. Делай всё точно, как я скажу».

Глава 4 Старый телефон Милы

Лера выключила свет не сразу. Несколько секунд она стояла посреди маленькой комнаты, глядя на металлическую дверь, за которой кто-то осторожно, почти деликатно возился с замком, и не могла заставить тело подчиниться. Страх больше не был резким, как во дворе или на пожарной лестнице; теперь он стал вязким, медленным, лишающим воли. Ей казалось, что если она пошевелится, всё окончательно станет настоящим: и человек за дверью, и фотография Милы на планшете, и Ян, умерший три года назад, но почему-то знающий больше живых.

Телефон завибрировал в ладони.

«Свет. Сейчас».

Только тогда Лера сорвалась с места. Выключатель был у входа, рядом с полкой, заваленной коробками. Она ударила по нему ладонью, и комната провалилась в темноту. Остался только слабый свет от экрана телефона и планшета на столе, где всё ещё была открыта фотография Милы в коридоре старого корпуса: жёлтый шарф, серебряная ласточка на шее, напряжённый поворот головы. Лера почти бросилась к планшету, чтобы погасить и его, но экран сам потемнел за секунду до того, как она коснулась кнопки.

За дверью щёлкнуло.

Не громко, но отчётливо.

Лера отступила в угол между диваном и шкафом, прижав телефон к груди. В темноте комната сразу стала меньше. Она слышала, как дождь шуршит по железному козырьку снаружи, как за стеной гудит вентиляция, как в трубах проходит вода, и на фоне этих обычных звуков особенно ясно различался чужой металл в замке. Тот, кто был снаружи, работал терпеливо. Не ломал дверь, не бил плечом, не ругался. Просто открывал её так, будто имел право войти.

На экране телефона появилась новая фраза:

«За шкафом есть вторая дверь. Старая вентиляционная. Нижний засов заедает. Потяни вверх, потом на себя».

Лера медленно повернула голову. За шкафом действительно была узкая тёмная щель, которую она приняла за тень. Шкаф стоял не вплотную к стене; если протиснуться боком, можно было добраться до чего-то вроде металлической створки. Она никогда бы не заметила её сама.

«Быстрее».

Снаружи снова щёлкнуло, на этот раз глубже. Замок сдавался.

Лера сунула телефон в карман толстовки и стала протискиваться за шкаф. В темноте она ударилась бедром о край стола, едва не опрокинула чайник, но успела поймать его обеими руками. Вода внутри плеснулась; этот тихий всплеск показался ей оглушительным. Она замерла, прислушалась. За дверью тоже стало тихо. Слишком тихо.

Потом металлический звук повторился.

Она добралась до узкой створки за шкафом и нащупала холодную ручку. Дверца была покрыта пылью и краской, словно её не открывали много лет. Лера нашла нижний засов, потянула на себя — ничего. Вспомнила сообщение, подняла засов вверх, потом резко дёрнула. Металл скрежетнул, но поддался. В лицо пахнуло сухой пылью, старым кирпичом и чем-то мышиным.

За створкой был низкий проход, куда взрослому человеку можно было забраться только согнувшись почти пополам.

Телефон в кармане завибрировал.

Она достала его.

«Ползи до конца. Не включай фонарик. Там будет решётка в соседний коридор. Я открою».

Лера посмотрела на чёрный прямоугольник прохода. Её тело отказывалось лезть туда. В детстве она застряла в игровом тоннеле на площадке и с тех пор плохо переносила тесные пространства; Мила потом долгие годы дразнила её «принцессой широких дверей». Сейчас это воспоминание пришло некстати и больно, но вместе с ним пришёл голос сестры: смешливый, наглый, живой. Лера стиснула зубы и забралась внутрь.

Проход оказался ещё теснее, чем выглядел. Локти сразу упёрлись в стены, колени скользили по пыльному металлу, толстовка цеплялась за выступы. Дышать было трудно, не столько от нехватки воздуха, сколько от мысли, что сзади вот-вот откроется дверь и кто-то посветит фонариком прямо в щель. Лера ползла, стараясь не думать, что над ней, под ней и по бокам слишком мало пространства. Где-то позади раздался глухой удар: дверь убежища открылась.

Она остановилась.

Голос мужчины прозвучал приглушённо, но разборчиво:

«Пусто».

Другой голос, ниже и спокойнее, ответил:

«Проверь всё. Она могла быть здесь».

Лера зажала рот ладонью. Пыль забивалась в нос, хотелось кашлять. Она прикусила губу так сильно, что почувствовала вкус крови. Мужчины ходили по комнате, открывали коробки, двигали стулья. Один подошёл совсем близко к шкафу. Лера видела через узкую щель у себя за спиной полоску света от фонарика, скользнувшую по полу.

Телефон в её руке, слава богу, не вибрировал.

Кто-то сдвинул шкаф.

Не сильно. На несколько сантиметров.

Этого хватило, чтобы щель стала шире.

Лера закрыла глаза.

«Здесь ничего», — сказал первый.

«Он не стал бы вести её в пустое место».

«Может, она ушла раньше».

«Она не ушла. Он бы её не бросил».

В этой фразе было что-то странное. Не раздражение, не злость, а почти уверенность, будто люди за стеной знали Яна не как миф, не как чужое имя из старой статьи, а как противника. Лера хотела запомнить эти слова, но страх вытеснял всё. Она снова поползла вперёд, медленно, на одних локтях, пока проход не начал расширяться и впереди не показалась слабая серая полоска света.

Решётка в конце тоннеля щёлкнула сама.

Лера не удивилась. У неё уже не осталось сил удивляться. Она толкнула её плечом и вывалилась в узкий коридор с облупленными стенами и трубами под потолком. Секунду лежала на холодном полу, хватая ртом воздух. Потом телефон ожил.

«Вправо. По лестнице вверх. Через служебный выход. На улице иди к дороге. Через четыре минуты будет каршеринг, белая „Киа“. Дверь откроется».

Лера поднялась. Колени дрожали, ладони были в пыли, волосы прилипли к лицу. Она шла уже почти автоматически, словно тело отделилось от мыслей и выполняло чужие команды лучше, чем собственные. Где-то за стеной мужчины всё ещё обыскивали комнату. Один раз ей показалось, что кто-то зовёт её по имени, но она не остановилась.

Через служебный выход она вышла в другой двор, не тот, где входила. Дождь стал мельче, почти невидимым, но воздух оставался холодным и мокрым. У дороги действительно стояла белая «Киа» каршеринга. Когда Лера подошла, фары коротко моргнули, замки щёлкнули. Она

села за руль и только тогда поняла, что не водила уже почти год — с тех пор как продала машину после смерти Милы, потому что каждый ночной перекрёсток казался ей ловушкой.

Телефон показал маршрут.

«Езжай домой».

Лера уставилась на экран.

«Ты с ума сошёл?»

«Они думают, что ты убежала дальше. Квартира сейчас пустая. У тебя есть двадцать пять минут, максимум тридцать».

«Ты только что сказал, что они будут искать меня снаружи».

«Ищут. Поэтому вернуться сейчас безопаснее, чем через час».

Лера сидела в машине, сжимая руль, и чувствовала, как всё внутри сопротивляется этому решению. Дом, который несколько часов назад был её убежищем, теперь казался заражённым. Там вскрывали замки, ходили чужие люди, смотрели в её окна, трогали её вещи. Но там был телефон Милы. И если Ян говорил правду, именно в нём находилось то, из-за чего умер он и, возможно, погибла Мила.

«Ты уверен?» — написала она.

Ответ пришёл быстро:

«Нет. Но это лучший из плохих вариантов».

Лера неожиданно почти рассмеялась. В этом ответе впервые не было всезнания. Ян не притворялся богом в сети, не обещал, что всё контролирует. Он просто выбирал из плохого худшее и пытался провести её между чужими руками. Это почему-то помогло. Она завела машину.

Дорога домой заняла семнадцать минут. Лера ехала осторожно, но не медленно, постоянно проверяя зеркала. Город постепенно пустел; мокрые улицы отражали светофоры, редкие прохожие спешили под навесы, ночные автобусы останавливались у пустых остановок. Телефон лежал на пассажирском сиденье, экран не гас. Ян молчал, только время от времени на карте появлялась новая подсказка: свернуть раньше, не ехать по проспекту, объехать перекрёсток. Один раз Лера увидела в зеркале чёрный внедорожник и почувствовала, как холодеют пальцы, но машина свернула к заправке и исчезла.

У дома было тихо. Слишком тихо после аварии, криков, людей, полиции или скорой, которые должны были бы ещё оставаться во дворе. Красную машину уже убрали; у подъезда темнело повреждённое ограждение, козырёк был помят, на асфальте блестели осколки стекла, смытые дождём к бордюру. Несколько окон горели, но двор казался вымершим.

«Не через подъезд», — написал Ян. — «Через чёрный вход. Код тот же, что у подвала. Поднимись по лестнице. Лифт не используй».

Лера оставила машину за углом и пошла к чёрному входу. Теперь на ней были кроссовки и толстовка, но всё равно она чувствовала себя почти голой без документов, ключей и сумки. Кодовая дверь открылась с тихим писком. Внутри пахло влажным бетоном, мусоропроводом и чужими сигаретами. Она поднималась пешком на одиннадцатый этаж, стараясь не шуметь и ненавидя каждый пролёт. На восьмом остановилась, прислушалась. Где-то работал телевизор. На десятом плакал младенец. На одиннадцатом было тихо.

Дверь её квартиры оказалась прикрыта, но не заперта.

Лера стояла перед ней несколько секунд, не решаясь войти. Внутри было темно. Она видела узкую полоску прихожей, перевёрнутый коврик, край своей сумки на полу. Ещё утром эта дверь отделяла её от всего мира; теперь она отделяла её от места преступления, хотя полиция, возможно, никогда не назовёт это преступлением.

Телефон завибрировал.

«У тебя мало времени».

Она толкнула дверь.

Квартира встретила её холодом и запахом дождя. Окно на кухне всё ещё было открыто; штора, вымокшая и тяжёлая, прилипла к подоконнику. На полу тянулись грязные следы. В прихожей валялась связка ключей — её ключей, сброшенных с крючка. Ящик с шарфами был выдвинут, обувь разбросана. В комнате открыли шкаф, перевернули папки, вытащили содержимое стола. Но странно: это не был обычный беспорядочный обыск. Вещи трогали выборочно, быстро, профессионально. Искали не деньги, не технику, не украшения. Искали что-то конкретное.

Лера прошла в комнату. Коробка с вещами Милы стояла посреди пола.

Крышка была снята.

Жёлтый шарф лежал рядом, смятый. Косметичка раскрыта. Блокнот перелистан, несколько страниц вырвано. Серебряный кулон в виде ласточки валялся у ножки стола, цепочка тонко блестела в темноте.

Лера опустилась на колени.

Её накрыло не сразу. Сначала она просто взяла шарф, машинально разгладила его пальцами, потом подняла кулон и положила на ладонь. Маленькая ласточка была холодной. Лера помнила, как Мила смеялась, когда впервые надела его, как сказала: «Мне нужнее. Ты всё равно слишком серьёзная для ласточек». Тогда это казалось глупой сестринской наглостью. Теперь — последним доказательством того, что Мила действительно была здесь, в её жизни, а не только в бумагах и на кладбище.

Телефон ожил.

«Не задерживайся у коробки. Телефон не там».

Лера вытерла лицо рукавом, хотя не заметила, когда успела заплакать, и поднялась. Шкаф с документами стоял у окна. Верхняя полка была заставлена папками, коробками из-под обуви и старым жестяным футляром для карандашей — синий, с облупившимся рисунком космонавта. В детстве они с Милой делили его на двоих, потом Лера забрала себе, потом забыла. Она подставила стул, поднялась, достала футляр. Крышка открылась туго.

Внутри лежал старый телефон Милы.

Небольшой, белый, с трещиной в правом углу экрана. Тот самый, который полиция вернула в прозрачном пакете вместе с вещами. Лера год не прикасалась к нему. Она помнила его слишком хорошо: Мила постоянно роняла его, клеила на заднюю крышку дурацкие наклейки, ругалась, что память забита фотографиями, и всё равно ничего не удаляла. На крышке до сих пор держалась полустёртая наклейка с маленьким инопланетянином.

Телефон казался мёртвым даже на вид.

Лера села прямо на пол, положила футляр рядом и нажала кнопку включения.

Ничего.

Она нажала ещё раз, дольше.

Экран оставался чёрным.

«Батарея мёртвая», — написала она Яну.

«Я знаю».

«Тогда зачем я его доставала?»

«Подключи к зарядке. Не к своей. К старому ноутбуку Милы, если он у тебя есть».

Лера нахмурилась. Старый ноутбук Милы стоял внизу шкафа, под стопкой зимних вещей. Она хранила его по той же причине, по которой хранила всё остальное: не могла выбросить и не могла открыть. Ноутбук был розовый, дешёвый, с отклеивающейся клавишей пробела. Лера вытащила его, поставила на пол, нашла зарядку в той же коробке с проводами, куда годами сваливала всё лишнее. Когда ноутбук включился, он долго гудел и показывал старый экран загрузки.

Телефон Милы она подключила через кабель.

Сначала ничего не произошло.

Лера сидела на полу среди разбросанных вещей, с кулоном в кулаке, и смотрела на чёрный экран. В квартире было так тихо, что слышно было, как капает вода с кухонной шторы на подоконник. Телефон Яна лежал рядом. Новых сообщений не было.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Лера уже хотела написать, что всё бессмысленно, когда старый телефон Милы коротко дрогнул.

Экран вспыхнул белым светом.

Лера резко отпрянула, будто вещь ожила у неё в руках не метафорически, а буквально. На экране появился значок батареи: ноль процентов. Потом он исчез. Телефон должен был выключиться, но вместо этого белый экран потемнел, пошёл рябью, словно старое видео с плохой плёнки. Посреди экрана возникла строка загрузки без логотипа, без знакомых значков, без заставки.

Лера не дышала.

Телефон Милы включался, хотя батарея была полностью мертва.

Старый ноутбук рядом тихо загудел сильнее. Его экран моргнул, и на нём на секунду появилось окно с непонятными символами, затем исчезло. Телефон в руке Леры нагрелся.

На экране возникли буквы.

Сначала они распались, как сбой: отдельные фрагменты, полосы, квадраты. Потом сложились в фразу.

«Мила пыталась меня спасти».

Лера смотрела на экран и не сразу поняла, что перестала чувствовать пальцы. Фраза была не сообщением в мессенджере. Не уведомлением. Не старой заметкой. Она появилась прямо на чёрном фоне, как если бы сам телефон, умерший вместе с Милой, вдруг нашёл способ заговорить.

Она медленно повернулась к своему телефону. На нём уже было сообщение от Яна.

«Теперь ты видишь».

Лера набрала не сразу. Сначала она подняла старый телефон ближе к лицу, будто могла разглядеть за словами того, кто их оставил. На экране по-прежнему светилось:

«Мила пыталась меня спасти».

Внутри неё что-то перевернулось. До этого момента всё ещё можно было считать, что Ян спасает её ради себя, что он заманивает, манипулирует, использует Милу как крючок. Но эта фраза изменила направление. Мила не просто знала его. Не просто боялась тех, кто охотился теперь за Лерой. Мила пыталась спасти Яна.

Значит, она была не случайной девушкой на набережной. Не жертвой плохой погоды, скользкого камня и собственного беспокойного характера. Она была частью чего-то, во что Лера не вошла вовремя, потому что сбросила звонок.

Она написала:

«Что это значит?»

Ответ Яна задержался. Лера уже начала понимать, что его паузы бывают разными. Иногда — техническими, как сбой сети. Иногда — человеческими, когда он выбирает, сколько правды можно дать, чтобы не разрушить её сразу. Сейчас пауза была второй.

«Это значит, что в ночь смерти она пришла не просить помощи у тебя. Сначала она пыталась помочь мне».

Лера почувствовала, как к горлу поднимается тугой ком.

«А потом позвонила мне».

«Да».

«Почему?»

«Потому что поняла, что не успеет».

В комнате стало холоднее, хотя окно на кухне она успела закрыть. Лера опустилась на пол, прислонившись спиной к шкафу. Старый телефон Милы лежал у неё на коленях, подключённый к ноутбуку, и светился так ровно, будто всю жизнь ждал этой минуты.

«Она знала, что её убьют?» — написала Лера.

Ответ пришёл не сразу.

«Она знала, что за ней идут».

Лера закрыла глаза. Перед ней снова возникла Мила на фотографии: жёлтый шарф, кулон-ласточка, лицо, повернутое к невидимому звуку. Она боялась. Не капризничала. Не драматизировала. Не придумывала себе проблему, как решила тогда Лера. Она была в опасности и позвонила единственному человеку, которому всё ещё хотела верить.

А Лера сбросила.

Эта мысль была не новой, но теперь у неё появились зубы.

Старый телефон Милы мигнул. Фраза исчезла. Вместо неё появился список файлов, но названия были повреждены: наборы цифр, символов, обрывки слов. Один файл выделялся среди остальных. Он назывался просто:

«ЛЕРА_ЕСЛИ_Я_НЕ_УСПЕЮ».

Она протянула палец к экрану, но Ян написал раньше:

«Не открывай здесь».

Лера застыла.

«Почему?»

«Файл защищён. Если открыть неправильно, он отправит сигнал».

«Кому?»

«Тем, кто ищет тебя».

Она медленно убрала руку. Усталость, которая всё это время держалась где-то на краю, вдруг накрыла её полностью. Ей хотелось лечь прямо на пол среди вещей, закрыть глаза и проснуться утром год назад, когда Мила ещё могла войти на кухню без стука и сказать: «У тебя есть кофе? Только не начинай читать лекцию».

Но утро год назад не вернулось.

Вместо него был мёртвый телефон сестры, живой голос без голоса по имени Ян и файл, который Мила оставила ей, если не успеет.

На лестничной площадке за дверью тихо скрипнула половица.

Лера подняла голову.

Сначала она решила, что ей показалось. Дом жил своими ночными звуками: трубы, лифт, соседи, ветер. Но через несколько секунд звук повторился. Осторожный шаг возле её двери.

Телефон Яна вспыхнул.

«Они вернулись раньше».

Лера медленно поднялась. Старый телефон Милы всё ещё был подключён к ноутбуку. На экране светился список файлов. Кулон-ласточка лежал у неё в ладони, врезаясь острым краем в кожу.

«Бери телефон и ноутбук. Не отключай кабель».

«Куда?»

«На крышу».

Лера посмотрела на экран, потом на дверь квартиры.

За дверью кто-то очень тихо коснулся ручки.

Она взяла ноутбук под мышку, старый телефон Милы прижала к груди вместе с проводом, свой мобильный сунула в карман толстовки и вдруг поняла, что теперь несёт не просто вещи сестры. Она несёт последнее, что Мила успела сказать.

Ручка входной двери медленно пошла вниз. Лера шагнула к окну пожарной лестницы, через которое несколько часов назад началась эта ночь, и впервые за всё время не спросила Яна, уверен ли он. Она уже знала: безопасных ответов больше не существует.

Глава 5 Ночной разговор

На крышу Лера выбралась через технический люк, о существовании которого до этой ночи даже не подозревала. Узкая лестница за мусоропроводом вывела её сначала на холодную площадку последнего этажа, потом ещё выше, туда, где воздух пах пылью, ржавым железом и старым голубиным помётом. Люк не поддавался: засов заедал, петли хрипели, ноутбук Милы норовил выскользнуть из-под мышки, провод от старого телефона цеплялся за рукав толстовки, и в какой-то момент Лере показалось, что она сейчас уронит всё — ноутбук, телефон, последнюю тайну сестры — прямо в тёмный лестничный пролёт. Снизу донёсся приглушённый звук открывающейся двери. Кто-то вошёл в её квартиру. После этого сил прибавилось. Лера обеими руками толкнула люк, металл скрежетнул, и в лицо ударил мокрый ночной воздух. Она вылезла на крышу, поставила ноутбук на бетонный выступ, потом выбралась сама и осторожно опустила люк, оставив тонкую щель, чтобы не хлопнул. Крыша была плоская, с низким бортиком по краям, вентиляционными шахтами, спутанными кабелями и лужами, в которых дрожали отражения далёких окон. Дождь почти закончился, но воздух оставался влажным, холодным и прозрачным, как бывает поздней осенью перед рассветом. Где-то внизу шуршали по мокрому асфальту машины, вздыхал на остановке редкий автобус, коротко лаяла собака. С высоты город казался уменьшенным и почти безопасным, но Лера уже знала, что безопасность теперь была только видом сверху, тонкой коркой над тёмной водой. Она отошла от люка и спряталась за вентиляционной шахтой. Только там, прижавшись спиной к холодному бетону, позволила себе сесть. Колени сразу дрогнули, будто до этого держались только на страхе. Ноутбук Милы она поставила рядом, старый телефон оставила подключённым, свой мобильный достала из кармана. Пальцы замёрзли так сильно, что экран не сразу отозвался на прикосновение. Сообщение от Яна уже ждало её. «Ты на крыше?» Лера набрала: «Да». «Отойди от края. Сядь за шахтой. Камера соседнего дома не достаёт туда, если ты ниже уровня бортика». Она машинально посмотрела на дом напротив, на тёмные окна верхних этажей, на маленькую камеру возле подъездного козырька через двор, и снова почувствовала то неприятное, почти физическое ощущение, которое сопровождало её с первого сообщения: город смотрел. Через камеры, домофоны, телефоны, машины, окна, чужие экраны. И только Ян, мёртвый человек внутри этого взгляда, почему-то пытался закрыть её собой. «Они в квартире?» — написала она. «Да». «Что они ищут?» «Файл. Возможно, телефон. Возможно, тебя». «Ты сказал, что телефон они не найдут». «Теперь — нет. Он у тебя». Лера закрыла глаза. Несколько секунд ей хотелось не читать дальше, не спрашивать, не думать, просто просидеть здесь до утра, пока не станет светло и город не вернёт себе привычные правила: люди идут на работу, покупают кофе, раздражаются на пробки и не разговаривают с мёртвыми через экран телефона. Но рядом лежал ноутбук Милы, тускло светился в темноте старый белый телефон с трещиной в углу, и на его экране висел список повреждённых файлов, среди которых один назывался её именем: «ЛЕРА_ЕСЛИ_Я_НЕ_УСПЕЮ». Это название давило сильнее любого крика. Мила знала, что может не успеть. Она оставила что-то заранее, а значит, в ту ночь была не растерянной девочкой, как Лера целый год пыталась думать, а человеком, который понимал опасность лучше всех вокруг и действовал, пока её старшая сестра злилась, уставала, не брала трубку и называла всё очередной драмой. «Почему я не могу открыть файл?» — спросила Лера. «Потому что он зашифрован не обычным способом. Если открыть его как документ или видео, сработает маяк. Не сразу, но достаточно быстро». «И что тогда?» «Они поймут, где ты. Точнее, где устройство». Лера посмотрела на телефон Милы. Маленький белый корпус, трещина на стекле, полустёртая наклейка с инопланетянином — вещь была такой личной и беззащитной, что мысль о спрятанном внутри маяке казалась почти кощунственной. Как будто чужие люди залезли не в память телефона, а в саму Милу. «Кто они?» — написала она.

— «Не общими словами. Кто эти люди? „Нейросфера“? Фонд? Полиция? Кто?» Ответ задержался. Где-то под крышей глухо стукнуло, и Лера замерла, глядя на люк, но тот оставался неподвижным. «Я не знаю всех имён. Я знаю структуру, фрагменты доступа, несколько голосов, несколько лиц. После пожара многое повреждено. Память не хранится у меня так, как у тебя». «А как?» «Осколками». Лера перечитала это слово. В нём вдруг оказалось больше живого, чем во всех его точных инструкциях за последние часы. «Что значит — осколками?» Экран некоторое время оставался пустым. Потом вместо короткой команды впервые пришёл длинный ответ, почти письмо. «Я помню не линию, а куски. Иногда это картинка без звука. Иногда звук без картинки. Иногда ощущение, которое не к чему привязать. Запах горячего пластика. Чей-то крик. Белый потолок лаборатории. Слова Милы: „Если ты меня слышишь, держись“. Потом темнота. Потом сеть. Потом много голосов сразу. Я не знаю, сколько времени прошло между пожаром и тем моментом, когда понял, что всё ещё существую». Лера читала медленно. Ветер шевелил мокрые волосы у висков, бетон холодил спину, но впервые за ночь страх чуть отступил, уступив место осторожному, болезненному вниманию. До сих пор Ян был для неё то набором команд, то невозможной угрозой, то чужим знанием, которое вторгалось в самую закрытую часть памяти. Теперь за текстом проступило что-то беззащитное: не машина, которая всё видит, не призрак, который всё знает, а человек, которому тоже страшно, потому что он не понимает, где закончилась его смерть и началось это странное после. «Ты помнишь пожар?» — спросила она. «Частично». «Что именно?» «Серверную. Красный свет аварийной сигнализации. Дым. Агату Морозову за стеклом. Она говорила кому-то: „Не отключать ядро“. Потом боль. Потом Мила. Но я не уверен, что Мила была там физически. Возможно, это уже запись. Возможно, связь. У меня путаются моменты». Имя Агаты Морозовой Лера слышала раньше. Его трудно было не слышать. Основательница фонда «Нейросфера», женщина в дорогих белых костюмах, с короткой стрижкой и спокойным лицом человека, который говорит о будущем так, будто уже купил его. Лера вспомнила рекламный ролик: дети с протезами нового поколения, пожилой мужчина заново учится говорить после инсульта, мягкий голос диктора обещает технологии, возвращающие людям утраченные возможности. Всё выглядело чисто, дорого и почти свято. «Агата Морозова была там, когда ты погиб?» — написала она. «Да». «Она виновата?» Пауза. «Я не знаю». Лера сжала телефон так, что заболели пальцы. «Ты всё время не знаешь». «Да». Это короткое согласие разозлило сильнее, чем любые оправдания. Она резко набрала: «Тогда почему я должна рисковать жизнью? Почему должна верить человеку, который не знает самого главного? Ты говоришь, что Мила пыталась тебя спасти, но не можешь сказать от чего. Говоришь, что её смерть не случайна, но не знаешь, убили её или нет. Говоришь, что ты Ян, но у тебя вместо памяти дыры. Понимаешь, как это выглядит?» Она отправила сообщение и почти сразу пожалела о грубости, хотя извиняться не собиралась. Дождь снова начал моросить — мелкий, холодный, настойчивый. Капли ложились на экран, буквы расплывались. Ответ пришёл через полминуты. «Понимаю». Лера ждала продолжения, но его не было. Только это одно слово, спокойное и тяжёлое. Злость, не встретив сопротивления, провалилась внутрь и оставила после себя усталость. Ей хотелось, чтобы Ян спорил, доказывал, требовал доверия; тогда можно было бы злиться дальше, держаться за недоверие как за стену. Но он не давил. Через несколько секунд появилось новое сообщение: «Ты не должна мне верить. Ты не обязана меня спасать. Ты не обязана исправлять то, что случилось с Милой. И ты не виновата в том, что не взяла трубку». Лера перестала дышать. Последняя фраза ударила так внезапно, что на несколько секунд исчезли крыша, ветер, ноутбук, холод и люди внизу. Остались только она и слова, которых никто за год не сказал ей прямо.

Мама говорила: «Ты не могла знать».

Подруга говорила: «Не мучай себя». Психолог, к которому

Лера сходила два раза и больше не смогла, говорил: «Вина — способ психики удержать контроль над хаосом». Все они, наверное, были правы. Но никто не произнёс это так просто и

страшно: «Ты не виновата». «Не говори так», — написала она. «Почему?» «Потому что ты не знаешь». «Я знаю, как звучит человек, который не успел ответить». Она закрыла глаза. Слёзы появились тихо, почти зло; не истерика, не облегчение, а будто тело наконец нашло щель, через которую могла выйти часть боли. Лера вытерла лицо рукавом толстовки, но слёзы возвращались. Было унизительно плакать перед телефоном, перед мёртвым незнакомцем, перед городом, который мог смотреть на неё с любой камеры, и всё же остановиться она не могла. «Она звонила мне», — написала Лера. — «Мне. Не полиции. Не маме. Мне. Значит, она думала, что я помогу. А я сбросила». Ответ появился быстро, но не мгновенно, словно Ян осторожно подбирал слова. «Да. Она думала, что ты поможешь. Потому что любила тебя. А не потому, что ты должна была заранее знать будущее». Лера смотрела на экран, и буквы снова расплывались. Она хотела возразить, написать, что любовь не отменяет ответственности, что иногда одно движение пальца действительно становится границей между жизнью и смертью, что слишком удобно теперь говорить о будущем, которого нельзя было знать. Но в ней вдруг не осталось сил защищать свою вину. Она так долго держалась за неё, что вина стала последней связью с Милой. Если отпустить её, что останется? Память? Любовь? Пустота? «Ты говорил с ней той ночью?» — спросила Лера. «Да». «Она просила передать мне что-нибудь?» Пауза была долгой. Слишком долгой. Лера подняла голову и посмотрела на люк: ей показалось, что под ним скрипнула лестница, но, возможно, это был ветер. Телефон молчал, и от этого молчания становилось страшнее. Наконец Ян написал: «Не так, как ты думаешь». «Что это значит?» «Когда она поняла, что за ней идут, она пыталась отправить тебе файл. Не сообщение. Не прощание. Файл. Он не ушёл полностью. Связь оборвалась. Часть данных осталась в её телефоне, часть попала ко мне, часть потерялась». Лера посмотрела на старый телефон Милы. На экране всё ещё светился список файлов: один — с её именем, остальные повреждены, названия состояли из символов и обрывков слов. Получалось, последнее, что Мила пыталась передать, было не словами любви, не просьбой о прощении, не отчаянным «помоги», а доказательством. Или ключом. Или чем-то настолько опасным, что через год за ним снова пришли люди. «Она не хотела со мной попрощаться?» — написала Лера и сразу почувствовала, как жалко звучит этот вопрос. Но он был правдой, самой детской и стыдной правдой. Где-то внутри она всё ещё ждала, что у Милы была последняя фраза именно для неё; что сестра успела сказать: «Лера, я не злюсь» или «Лера, помоги» или хотя бы «Лера, прости». Что существовало слово, которое могло бы сделать этот год чуть менее невыносимым. Ян ответил мягче, чем раньше. Даже через текст это чувствовалось. «Лера, человек, который убегает, не всегда успевает сказать главное. Это не значит, что главного не было». Она опустила телефон на колени. Ночь вокруг стала тише — или она просто перестала слышать город. Эти слова не лечили, не оправдывали, не возвращали Милу. Но Ян не отнимал боль, чтобы поставить на её место красивую фразу. Он не сказал: «Она тебя простила». Не придумал удобное послание от мёртвой сестры. Он оставил правду неровной, неполной, тяжёлой, и почему-то именно это оказалось похожим на уважение. Через некоторое время Лера спросила: «Как ты оказался внутри системы?» Ответ пришёл не сразу. «Я не знаю точного момента. До пожара я работал над интерфейсом переноса нейронных паттернов. Официально — для реабилитации пациентов после травм мозга. Неофициально проект назывался „После“. Мы должны были научиться сохранять фрагменты личности: память, реакцию, речь, эмоциональные связи. Не сознание целиком. Во всяком случае, так говорили». «А на самом деле?» «На самом деле Агата хотела больше». Лера почувствовала, как холод крыши становится глубже. Слово «После» само по себе было страшным. В нём не было ни науки, ни благотворительности, ни рекламной надежды. Только человеческая жадность перед последней границей. «Бессмертие?» — написала она. «Контроль над смертью. Это не одно и то же». Лера перечитала фразу. Она была слишком точной, чтобы принадлежать случайному мошеннику или бездушной программе. В ней был опыт человека, дорого заплатившего за это различие. «Ты был добровольцем?» «Сначала — разработчиком. Потом — тестовым субъектом. Я согла-

сился на ограниченную запись. Думал, это безопасно». «Почему согласился?» Пауза. «У меня умирал отец. Болезнь Альцгеймера. Он исчезал по кускам. Я хотел верить, что можно сохранить человека хотя бы частично, пока он ещё здесь. Знаю, звучит наивно». Лера медленно выдохнула. Впервые за всё время она представила Яна не в лаборатории, не в пожаре, не в виде сообщений на экране, а обычным человеком: сыном, который смотрит, как отец забывает лица, слова, дорогу домой, и цепляется за технологию как за молитву для тех, кто не умеет молиться. Это не оправдывало проект и не объясняло смерть Милы, но делало Яна понятнее. Опаснее, может быть, потому что понять человека — значит перестать видеть в нём только функцию. «Ты хотел спасти отца», — написала она. «Да». «Получилось?» Ответ задержался. «Нет». Больше он ничего не добавил, и Лера не стала спрашивать. Она знала, как выглядит слово, за которым стоит всё, что человек не может рассказать. У неё самой таких слов было несколько: «Мила», «звонок», «годовщина». Старый телефон Милы внезапно мигнул. Один из повреждённых файлов на секунду подсветился и погас, ноутбук тихо пискнул. Лера вздрогнула. «Что происходит?» «Связь нестабильна. Телефон Милы держит часть ключа, но устройство старое. Нужно перенести данные, пока он не умер окончательно». «Куда?» «На внешний носитель. Или в безопасный узел. Но сейчас у тебя нет ни того, ни другого». «Прекрасно». «Поэтому надо найти то, что Мила спрятала отдельно от телефона». Лера нахмурилась. «Ты сказал, файл в телефоне». «Часть файла. Не весь. Мила разделила его на несколько частей. Одна — в телефоне. Одна — у меня. Одна — спрятана физически. Без неё файл с твоим именем не откроется правильно». «Где она?» «Не помню». Лера уставилась на экран. Потом тихо, почти беззвучно рассмеялась; смех получился плохой, сорванный. «Конечно. Самое важное ты не помнишь». «Я помню подсказку». «Какую?» «Ласточка летит туда, где мы врали, что не боимся».

Лера перечитала фразу несколько раз и машинально посмотрела на кулон, который лежал рядом с ноутбуком. Маленькая серебряная ласточка, порванная цепочка, тонкое крыло блестит в свете экрана. Фраза звучала как их с Милой язык — странный, личный, собранный из детских шуток, тайных мест, страхов, над которыми они смеялись, чтобы не признаваться. Где они врали, что не боятся? На колесе обозрения? В заброшенном санатории у тёти на даче? В старом подземном переходе, где Мила уверяла, что не боится крыс, а сама вцепилась Лере в руку до синяков? Таких мест было слишком много. «Это сказала Мила?» «Да. Или написала. Я не уверен. Фраза сохранилась отдельно». Лера взяла кулон в ладонь. «Ласточка летит туда, где мы врали, что не боимся». Это была подсказка не для Яна. Для неё. Мила выбрала не пароль, не адрес, не координаты, а память, которую могли расшифровать только две сестры. И эта мысль одновременно ранила и грела: даже после ссоры, даже после всего, Мила оставила нитку именно ей. «Мне нужно подумать», — написала Лера. «Да». «А если я не вспомню?» «Вспомнишь. Мила выбрала подсказку для тебя, не для меня». Внизу под люком что-то скрипнуло. Лера резко выпрямилась. «Я слышу шаги». Ответ пришёл мгновенно: «Я тоже». Эти два слова прозвучали почти как присутствие. Не «вижу по камере», не «фиксирую движение», а именно «я тоже». Впервые за ночь Лера почувствовала странную вещь: физически она была одна на крыше, но кто-то слышал вместе с ней, ждал вместе с ней, считал секунды рядом. «Они идут сюда?» «Один человек. Медленно. Возможно, проверяет крышу. У тебя есть выход на соседний подъезд через переход за вентиляционным блоком». «Я с ноутбуком и двумя телефонами. Я не смогу бежать бесконечно». «Не придётся. Сейчас главное — уйти с прямой линии». Лера собрала вещи. Ноутбук под мышку, телефон Милы в руку вместе с кабелем, свой мобильный — в карман. Кулон она хотела положить туда же, но передумала, обмотала порванную цепочку вокруг запястья и завязала узлом, чтобы не потерять. Ласточка легла на кожу холодным маленьким грузом. Люк тихо скрипнул. Лера двинулась к вентиляционному блоку, пригнувшись, чтобы её не было видно с соседних домов. За блоком действительно оказался узкий металлический мостик к соседней секции крыши — мокрый, скользкий, слишком открытый.

Она остановилась перед ним. «Я боюсь высоты», — написала она, хотя Ян не спрашивал. «Я знаю». Она почти разозлилась. «Откуда?» «Ты не посмотрела вниз на пожарной лестнице ни разу после того, как я сказал смотреть на руки». Это было не вторжение, а наблюдение. Он не вытащил очередную тайну из её прошлого, не сослался на Милу, не воспользовался чужими словами. Он просто видел, как она держалась. «Сейчас тоже смотри на руки», — написал Ян. — «И на металл перед собой. Не на двор». Лера сделала первый шаг на мостик. Металл под ногой дрогнул. Она вцепилась одной рукой в перила, другой прижала к себе ноутбук и старый телефон.

Внизу темнел двор, но она заставила себя смотреть только на мокрые перекладины. Один шаг. Второй. Третий. Ветер потянул за толстовку, и ей показалось, что мостик качнулся, хотя, возможно, качнулась она сама. Телефон в кармане завибрировал, но достать его она не могла. «Не сейчас», — прошептала Лера. — «Пожалуйста, не сейчас». Она не знала, услышал ли Ян, но вибрация больше не повторилась. Когда она добралась до соседней крыши, колени дрожали так сильно, что пришлось присесть. Позади, у люка её дома, появилась тёмная фигура. Человек поднялся на крышу, посветил фонариком сначала в одну сторону, потом в другую. Луч скользнул по вентиляционной шахте, по лужам, по бортику, но до Леры уже не доставал. Она сидела за бетонным выступом соседней секции и смотрела, как чужой свет ищет её там, где она была минуту назад. Телефон мягко завибрировал. Она достала его. «Молодец». Всего одно слово. Почему-то именно оно едва не сломало её окончательно. Не «быстрее», не «опасность», не «поверни направо», а простое человеческое «молодец», сказанное в тот момент, когда она сама чувствовала себя испуганной, грязной, виноватой и совершенно потерянной. Лера долго смотрела на экран, потом написала: «Не надо быть добрым». «Почему?» «Так сложнее не верить тебе». Ответ пришёл не сразу. «Я не добрый. Я просто помню, каково это — бояться и делать всё равно». Где-то на соседней крыше человек с фонариком спустился обратно в люк. Дождь почти прекратился. Над городом висела тяжёлая ночь, и далеко на востоке небо начинало чуть светлеть — не рассветом ещё, а слабым серым обещанием, что ночь не бесконечна. «Ян», — написала Лера впервые сама, не отвечая на его команду и не требуя объяснений. Пауза. «Да?» «Если мы найдём этот файл… ты вспомнишь всё?» «Не знаю». На этот раз она почти ожидала этот ответ и не разозлилась. «А если вспомнишь что-то плохое? Про Милу. Про себя». «Тогда я скажу тебе». «Даже если тебе будет выгоднее соврать?» «Да». «Почему?» Он долго не отвечал. Лера сидела на холодном бетоне, слушала, как где-то внизу по улице проехала первая мусоровозная машина, как скрипнула дверь подъезда соседнего дома, как город медленно меняет ночное дыхание на предутреннее. Потом экран засветился. «Потому что она умерла среди лжи. Хотя бы после смерти она заслуживает правду». Лера закрыла глаза. Эта фраза не была утешением, но стала чем-то похожим на обещание. Не на спасение, не на счастливый конец, не на то, что боль исчезнет, а на другое: Мила больше не останется одна в чужой версии своей смерти. «Хорошо», — написала Лера. — «Я помогу найти файл». Ответ появился почти сразу: «Спасибо». Она почему-то представила, что если бы у Яна был голос, это слово прозвучало бы тихо — не победно, не торжественно, а устало и искренне. Лера посмотрела на кулон-ласточку на запястье и снова повторила про себя подсказку: «Ласточка летит туда, где мы врали, что не боимся». Где? Что Мила выбрала бы для неё? Какое место они обе помнили одинаково? И вдруг, не полностью, а краем, всплыло воспоминание: лето, запах пыли и горячего металла, Мила в коротких шортах стоит перед ржавыми воротами старого павильона в парке и говорит: «Я не боюсь. Это ты боишься». Лера отвечает: «Я тоже не боюсь», хотя обе прекрасно знают, что внутри темно, что там заброшенная станция детской железной дороги, куда им запретили ходить. Лера открыла глаза. Сердце забилось быстрее. «Кажется, я знаю место». «Где?» «Старый павильон в парке „Северный“. Заброшенная станция. Мы с Милой лазили туда в детстве. Она боялась темноты, я боялась высоты, и мы обе врали, что ничего не боимся». Ян молчал несколько секунд. «Это подходит». «Почему?» «Потому что за два дня до смерти Мила была

там». Лера похолодела. «Ты помнишь?» «Фрагмент. Жёлтый шарф. Ржавая дверь. Её голос: „Если Лера вспомнит, значит, ещё не всё потеряно“». Крыша, ночь, холод, люди внизу — всё на секунду отступило. Мила верила, что она вспомнит. Даже после ссоры, после всех обид, после Лериного раздражения и усталости. Верила достаточно, чтобы оставить подсказку, спрятанную в их общем детстве. «Когда идём?» — написала Лера. «Не сейчас. Рассвет через час. Они ждут, что ты побежишь сразу. Надо переждать». «Где?» «На крыше соседнего дома есть выход в чердачное помещение. Там сухо и нет камер. Я открою замок». Лера поднялась. Тело ломило, глаза слипались от усталости, но внутри впервые за ночь появилась не только паника. Появилась цель. Старый павильон. Спрятанная часть файла. Правда, которую Мила успела оставить. Она шла к чердачной двери, держа ноутбук и телефон сестры, и вдруг поняла, что больше не воспринимает Яна только как невозможное сообщение от мёртвого. Он всё ещё пугал её, она всё ещё не знала, можно ли ему верить, но в этой ночи, среди крыш, чужих шагов и повреждённой памяти, он оказался единственным, кто не требовал от неё быть сильной. Он просто говорил, куда поставить ногу, когда она боялась упасть. Перед чердачной дверью телефон снова завибрировал. «Лера». «Что?» «Когда мы будем в безопасности, тебе нужно поспать хотя бы сорок минут». Она устало усмехнулась. «Ты серьёзно? После всего?» «Да. Уставшие люди делают ошибки». Лера посмотрела на небо, уже чуть светлеющее над краями домов, и впервые за несколько часов почти улыбнулась. «Ты всегда такой занудный?» Пауза была короткой. «Не помню». Эта фраза должна была прозвучать сухо, но Лера вдруг почувствовала за ней тихую боль. Он действительно не помнил — не только пожар, проект и смерть, но, возможно, и то, каким был в обычной жизни: смеялся ли над глупыми шутками, любил ли кофе, раздражался ли на дождь, умел ли спать до полудня, кому писал перед сном. Человек, у которого отняли не только тело, но и непрерывность самого себя. Лера перестала улыбаться. «Значит, будем выяснять», — написала она. «Что?» «Какой ты». Долгая пауза. «Сначала найдём файл». Лера убрала телефон в карман, но последнее сообщение увидела уже краем глаза. «Но спасибо».

Глава 6 Слежка

Чердачное помещение оказалось тесным, низким и неожиданно тёплым. Ян открыл замок ещё до того, как Лера успела коснуться ручки: в глубине двери что-то коротко щёлкнуло, старая створка подалась, и она вошла внутрь, пригнувшись под низкой балкой. Здесь пахло пылью, сухим деревом, старой изоляцией и нагретым металлом. Где-то за стеной гудела вентиляция, по трубам шла вода, а под ногами лежал слой серой пыли, нетронутой, как снег на пустыре. Лера закрыла за собой дверь, опустилась прямо на пол и только тогда поняла, что больше не может стоять.

Тело сдалось внезапно. До этого оно подчинялось страху, бежало, лезло через окна, перелезало по мокрым мостикам между крышами, держало ноутбук, телефон Милы, свой мобильный, кулон, остатки воли. А теперь, когда опасность отступила хотя бы на несколько метров и несколько минут, всё обрушилось разом: дрожь, холод, боль в колене, царапины на ладонях, свинцовая тяжесть в затылке. Лера сидела, прислонившись спиной к стене, и смотрела на свои руки. Пальцы были грязные, ногти обломаны, на запястье висела порванная цепочка с маленькой серебряной ласточкой. Чужая толстовка пахла порошком и сыростью, кроссовки натирали пятку, волосы давно высохли неровными влажными прядями. Всё это принадлежало какой-то другой женщине, не той, которая ещё вчера утром спорила с типографией из-за оттенка синего и думала, что худшее в этом дне — звонок мамы.

Телефон мягко завибрировал.

«Поставь ноутбук рядом. Телефон Милы не отключай».

Лера послушно положила ноутбук на деревянный ящик, старый белый телефон оставила соединённым кабелем. Экран Милы то светился, то темнел, будто устройство дышало с перебоями. Список файлов исчез; вместо него теперь была чёрная заставка без значков, без часов, без уровня батареи. Иногда по экрану проходила тонкая рябь, и Лере каждый раз казалось, что сейчас снова появится фраза: «Мила пыталась меня спасти».

Она боялась увидеть эти слова снова и одновременно боялась, что они больше не появятся.

«Тебе нужно поспать», — написал Ян.

Лера посмотрела на экран почти с ненавистью.

«Я не могу».

«Можешь не спать. Просто закрой глаза на сорок минут».

«Смешно».

«Это не шутка. У тебя трясутся руки. Ты пропустишь важную деталь».

Лера хотела ответить резко, но сил не было. Он снова был прав, а правота в чужом исполнении раздражала сильнее приказов. Она убрала телефон на колени, прижала к груди ноутбук Милы, будто это могло защитить, и закрыла глаза. Сон пришёл не сразу. Сначала за веками крутились обрывки ночи: мужчина у двери, мокрый металл пожарной лестницы, красная машина, врезающаяся в подъезд, лицо Яна на старой фотографии, Мила в жёлтом шарфе, повернувшая голову на звук. Потом всё смешалось: голос мамы звал её из больничного коридора, Ян писал с экрана: «Смотри на руки», а Мила смеялась и говорила, что ласточки не боятся высоты.

Лера проснулась от собственного рывка, уверенная, что падает.

Несколько секунд она не понимала, где находится. Над головой были не потолок её комнаты и не серое небо крыши, а низкие деревянные балки, прорезанные тонкими полосами предутреннего света. Вентиляция всё так же гудела за стеной. Ноутбук лежал рядом, телефон Милы был подключён, её собственный мобильный светился на полу. На экране было одно сообщение.

«Прошло тридцать семь минут. Достаточно».

Лера медленно села. В голове было мутно, будто сон не восстановил силы, а только показал телу, насколько оно устало. Но дрожь в руках действительно стала меньше. За маленьким грязным слуховым окном чердака светлело; город вступал в утро, когда ночные страхи должны были казаться нелепыми. Но ничего не стало легче. Наоборот, с рассветом всё выглядело ещё хуже: если ночью можно было списать происходящее на темноту, дождь и панику, то утро приносило слишком много подробностей.

«Что теперь?» — написала она.

Ответ пришёл почти сразу:

«Сначала проверим, насколько они близко».

«Как?»

«Посмотри в окно. Осторожно. Не высовывайся».

Лера поднялась, чувствуя, как ломит спину, и подошла к слуховому окну. Стекло было мутное, с засохшими потёками, но через нижний угол открывался вид на двор её дома. У подъезда уже появились утренние люди: мужчина в пальто выносил мусор, женщина с собачкой спорила по телефону, дворник собирал осколки стекла у помятого ограждения. Козырёк после ночной аварии был перекошен, на асфальте темнел след, будто сама ночь оставила синяк на бетоне.

Сначала Лера никого подозрительного не увидела. Потом взгляд зацепился за чёрный внедорожник, припаркованный у дальнего бордюра. Номера были забрызганы грязью. Внутри сидел человек. Лера не могла рассмотреть лицо, только силуэт за стеклом, но по тому, как неподвижно он сидел, как не смотрел в телефон, не пил кофе, не курил и не делал ничего обычного для человека, ожидающего кого-то во дворе, она поняла: он ждёт.

Её.

По коже прошёл холод.

«Вижу машину», — написала она.

«Чёрный внедорожник?»

«Да».

«Один из их внешних постов. Ещё один у аптеки. Третий, возможно, на парковке за домом. Они не знают, где ты, но знают, что ты не ушла далеко».

Лера отступила от окна. Воздух в чердаке вдруг стал слишком густым.

«Откуда они знают?»

Пауза.

«Потому что телефон Милы активировался».

Лера посмотрела на старый белый телефон, лежащий рядом с ноутбуком, как на маленькое взрывное устройство.

«Ты сказал, что мы не открывали файл».

«Файл — нет. Но само включение устройства они могли увидеть. Не точное местоположение. Сигнатуру».

«Что это значит человеческим языком?»

«Они знают, что старый телефон жив. И что он подключён к системе».

Лера села обратно на пол. В груди появилась тяжёлая пустота. До этой минуты ей казалось, что они хотя бы на шаг впереди. Что Ян успевает открывать двери раньше чужих рук, выключать свет раньше чужих глаз, выбирать маршруты, где нет камер фонда. Но теперь выходило, что каждый их шаг оставлял след. Телефон Милы, ради которого она вернулась в квартиру, сам превратился в маяк, пусть и не полный. Они разбудили что-то, и это что-то заметили.

«Значит, они придут сюда», — написала она.

«Да. Не сразу. Сначала проверят квартиру ещё раз».

Лера подняла голову.

«Они уже были там».

«Теперь будут искать иначе».

«Как?»

Ответ задержался на несколько секунд.

«Они поняли, что ты забрала устройство. Теперь им нужно не просто обыскать квартиру, а понять, с кем ты контактировала, куда могла уйти, кто мог помочь. Они начнут с цифрового доступа».

Лера не успела спросить, что это значит, когда её телефон показал уведомление из приложения умного замка. Она сначала даже не поняла, почему видит его: приложение стояло давно, хозяин квартиры установил систему ещё до неё, и Лера почти никогда им не пользовалась. Обычно замок открывался ключом, а приложение присылало скучные отчёты вроде «дверь закрыта» или «низкий заряд батареи».

Теперь на экране всплыло:

«Выполняется удалённый запрос доступа».

Лера похолодела.

Через секунду появилось второе уведомление:

«Попытка авторизации. Пользователь: ADMIN».

Она вскочила так резко, что ударилась плечом о балку.

«Ян!»

Ответ пришёл мгновенно:

«Вижу».

На экране приложения кружился значок загрузки. Где-то внизу, в её квартире, умный замок получал команду от человека, которого там не должно было быть. Лера вдруг представила свою дверь: царапины возле скважины, перевёрнутый коврик, грязные следы, пустую коробку Милы на полу. И на этой двери — маленький электронный блок, которому всё равно, кто отдаёт приказ. Правильный ключ, правильный код, правильная команда — и он откроется.

«Они открывают квартиру?» — написала она, хотя уже знала ответ.

«Да. Через облачный доступ владельца или сервисный канал».

«Отключи его».

Пауза была короткой, но для Леры она растянулась так, будто время снова стало вязким.

«Если я отключу резко, они поймут, что я рядом».

«Они и так знают!»

«Не точно. Нужно сделать так, чтобы это выглядело как сбой».

Лера смотрела на экран приложения. Полоса авторизации почти дошла до конца. Ей казалось, что она слышит щелчок замка за несколько этажей отсюда, хотя это было невозможно. В квартире никого из близких не было, ничего живого, что могло бы пострадать. И всё равно мысль, что чужие люди снова войдут туда, была невыносимой. Они уже трогали шарф Милы, кулон, её вещи. Теперь вернутся снова, как будто у мёртвых нет права на покой.

«Ян», — написала она, — «они не должны снова туда войти».

На этот раз он не ответил словами. Уведомление на экране мигнуло, зависло на последнем проценте, затем приложение выдало ошибку:

«Сервер временно недоступен. Повторите попытку позже».

Лера почти выдохнула, но тут же появилось новое уведомление.

«Переход в автономный режим. Ожидание локального подтверждения».

Она не поняла.

«Что это?»

«У них есть кто-то у двери. Сейчас попробуют подтвердить физически».

Лера подошла к слуховому окну так быстро, что чуть не споткнулась о кабель. Через мутное стекло было видно её подъезд. Утренние люди всё ещё двигались по двору, но теперь

среди них появился мужчина в серой куртке и бейсболке. Он не был похож на ночного преследователя в чёрной куртке. Обычный, даже незаметный. В руках у него был бумажный стакан кофе. Он подошёл к подъезду, сделал вид, что смотрит в телефон, дождался, пока изнутри выйдет пожилая женщина с тележкой, придержал ей дверь и вошёл.

Лера почувствовала, как у неё холодеют губы.

«Он внутри».

«Да».

«Что делать?»

«Сейчас вызовем соседей».

«Что?»

«Тебе нужно, чтобы на площадке были люди. Много людей. Они не любят свидетелей».

Через несколько секунд где-то в доме снизу сработала пожарная сигнализация.

Не настоящая, не оглушительная общедомовая сирена, а резкий прерывистый писк на одном из этажей, потом ещё один, потом тревожный женский голос. Лера снова посмотрела в окно. В подъезде началось движение. На пятом этаже кто-то распахнул окно и крикнул вниз: «У кого пищит?». Из соседнего подъезда вышел мужчина в майке, держа в руке чайник. На лестничной клетке её этажа, если верить приложению, дверь квартиры всё ещё была закрыта, но Лера уже не видела её; она могла только представлять.

Телефон показал сообщение:

«Я активировал датчик дыма в квартире снизу. Без огня. Только тревога».

«Это незаконно», — написала Лера машинально и тут же почти рассмеялась от абсурдности.

«Да».

В приложении замка появилось ещё одно уведомление:

«Локальный доступ прерван».

Ян написал:

«Соседка с седьмого вышла. Сосед напротив твоей двери тоже. Мужчина у двери отступил».

Лера прислонилась лбом к холодному стеклу. Внизу действительно кто-то суетился: люди выходили из подъезда, переговаривались, смотрели вверх, раздражались, но это раздражение сейчас было спасением. Обычная человеческая нелюбовь к сигнализациям, запаху дыма и утренним проблемам оказалась сильнее тайного вторжения. Человек в серой куртке вышел из подъезда через минуту. Теперь он уже не притворялся жильцом; шагал быстро, не оглядываясь, и выбросил полный стакан кофе в урну, даже не сделав глотка.

Лера смотрела, как он идёт к чёрному внедорожнику.

Но прежде чем он сел в машину, он поднял голову.

Не к её окну. Не к крыше. Выше, к линии чердаков соседнего дома.

Лера отшатнулась.

«Он видел меня?»

«Не уверен».

«Ян!»

«Не уверен», — повторил он. — «Отойди от окна».

Она отступила так резко, что задела ноутбук. Старый телефон Милы скользнул по ящику, кабель натянулся, экран мигнул. Лера успела поймать его, но сердце ударило так сильно, что на секунду потемнело в глазах. На экране телефона Милы появилась рябь.

Потом — строка.

«ОНИ ЗНАЮТ, ЧТО Я ПРОСНУЛАСЬ»

Лера застыла.

Эта фраза была другой. Не как сообщение Яна. Не как системный текст. В ней было что-то страшно личное и одновременно механическое, будто сам телефон Милы говорил не словами, а остатком чьего-то испуга.

Собственный телефон Леры сразу завибрировал.

«Не трогай экран Милы».

Она не двигалась.

На старом телефоне появилась вторая строка:

«НЕ ВЕРЬ ПЕРВОМУ СВЕТУ»

Лера едва слышно прошептала:

«Что это значит?»

Ян ответил не сразу.

«Фрагмент. Возможно, запись Милы. Возможно, автоматическое предупреждение».

«Первому свету — это что? Рассвет?»

«Не знаю».

Лера закрыла глаза. Снова это «не знаю». Только теперь злости не было. Был ужас. Потому что фраза звучала как предупреждение из места, куда они ещё не успели войти.

Старый телефон погас.

В ту же секунду её собственный мобильный показал входящий звонок.

На экране светилось: «Мама».

Лера смотрела на имя, и сердце у неё сжалось так болезненно, что она почти согнулась. Мама. Живой человек. Единственный, кому она должна была ответить ещё вчера. Женщина, которая уже потеряла одну дочь и сейчас, вероятно, проснулась после бессонной ночи, увидела, что Лера не перезвонила, и снова набрала. Лера потянулась к кнопке ответа почти без мысли, инстинктивно, с детским желанием услышать голос, который скажет что-нибудь обычное, пусть даже тревожное: «Лера, где ты? Почему не отвечаешь?»

Телефон Яна вспыхнул поверх вызова коротким системным окном.

«Не отвечай».

Лера замерла. Звонок продолжался.

«Это мама».

«Я знаю».

«Я должна ответить».

«Нет».

Ярость вспыхнула мгновенно, ослепительно. Не страх, не раздражение, а именно ярость — на Яна, на «Нейросферу», на всех людей, которые за одну ночь отняли у неё право на простейшее человеческое действие. Ответить матери. Сказать, что жива.

«Ты не имеешь права», — набрала она, пока звонок всё ещё шёл. — «Я не сброшу ещё один звонок».

Ответ пришёл мгновенно:

«Это не её звонок».

Лера похолодела.

Вызов продолжался. «Мама». Та же фотография в контакте: мама в светлой куртке на даче, щурится от солнца, за спиной яблоня. Всё настоящее. Всё знакомое.

«Они подменили идентификатор?» — написала Лера.

«Да. Или используют её устройство. Я не могу проверить без подключения».

«А если это правда она?»

Пауза.

«Тогда я прошу тебя сделать самое тяжёлое».

Лера смотрела на экран. Звонок длился уже слишком долго. Палец дрожал над зелёной кнопкой. В горле стоял ком. Ей казалось, что она снова там, год назад: экран светится в темноте, имя близкого человека просит ответа, а она должна решить, взять трубку или нет. Только тогда она сбросила из злости. Теперь — из страха. Но результат мог оказаться тем же: тишина, которую потом не исправить.

«Я не могу», — написала она.

«Можешь. Не сбрасывай. Просто не отвечай. Пусть вызов закончится сам».

Это различие было ничтожным и огромным. Не сбросить. Не нажать красную кнопку. Не повторить жест, который преследовал её год. Просто дать звонку уйти в пустоту. Лера опустила телефон на пол перед собой и убрала руки за спину, будто боялась собственных пальцев. Звонок продолжался ещё несколько секунд, потом оборвался.

Тишина после него была тяжелее звука.

Лера сидела, не двигаясь.

Через минуту пришло сообщение. С маминого номера.

«Лерочка, ответь. Мне страшно. Они сказали, что ты попала в аварию».

Лера зажала рот ладонью.

Второе сообщение:

«Пожалуйста. Просто напиши, что жива».

Её трясло. Не от холода. Она видела маму так ясно, будто та стояла перед ней: в старом халате, у кухонного стола, с телефоном в руке, с лицом, которое после смерти Милы стало старше на десять лет. Если это правда писала мама, то молчание было жестокостью. Если не мама — ловушкой. И в обоих случаях Лера должна была сделать выбор, для которого у человека не может быть сил.

Ян написал: «Не отвечай с этого телефона. Я попробую открыть одноразовый канал позже. Сейчас они ждут любой реакции».

«Они используют мою мать», — написала Лера.

«Да».

Она вдруг почувствовала не страх, а такую холодную ненависть, что даже дрожь прекратилась. Ненависть была чистой, ясной, почти спокойной. До этого момента «они» были фигурой в тёмной куртке, голосом за дверью, чёрной машиной, чужим доступом к замку. Теперь они стали людьми, которые готовы дотронуться до последнего живого нерва, использовать мать, вторую дочь которой уже похоронили, только чтобы вытащить Леру на свет.

«Я их уничтожу», — написала она.

Пауза.

«Сначала выживи».

«Нет. Сначала найду файл».

«Это одно и то же».

Лера посмотрела на старый телефон Милы. Экран был тёмным, но теперь он казался не мёртвым, а закрывшим глаза. Где-то внутри него лежал фрагмент правды, за которую Мила, возможно, заплатила жизнью. Ещё один фрагмент ждал в старом павильоне парка «Северный». А вокруг уже сжималась сеть: машина во дворе, человек у двери, взломанный замок, фальшивый звонок от мамы.

«Они знают про старый телефон», — написала она.

«Да».

«Насколько точно?»

«Они знают, что он активирован. Знают, что файл не уничтожен. Знают, что кто-то вывел тебя из квартиры и сорвал им доступ. Возможно, теперь они знают и обо мне больше, чем раньше».

Лера подняла взгляд.

«Они знают, что ты существуешь?»

Ответ пришёл не сразу.

«Они всегда знали, что часть меня могла сохраниться. Они не знали, что я могу действовать самостоятельно».

«А теперь?»

«Теперь догадываются».

В этих словах Лера впервые услышала страх с его стороны. Не явный, не признанный, но настоящий. До этого Ян был тем, кто видел камеры, открывал двери, считал секунды. Теперь оказалось, что и он уязвим. Что «Нейросфера» охотится не только за ней и телефоном Милы, но и за ним — за тем, что осталось от человека, которого они однажды, возможно, не смогли полностью уничтожить.

«Они могут тебя найти?» — спросила Лера.

«Да».

«И что тогда?»

Долгая пауза.

«Отключат. Или перепишут. Или используют».

Лера почувствовала, как внутри всё сжалось. Смерть была страшна, но в слове «перепишут» оказалось что-то хуже смерти. Человека можно убить один раз. А можно оставить его остаток, стереть волю, вывернуть память, сделать инструментом тех, кто его погубил. Она вдруг поняла, почему Ян так осторожен, почему не знает, где заканчивается он и начинается система, почему каждое его «не помню» звучит не как удобная отговорка, а как рана.

«Я не позволю», — написала она.

Ответ был коротким:

«Ты не обязана меня защищать».

Лера посмотрела на эту фразу и устало, почти зло усмехнулась.

«Ты за ночь уже три раза сказал, что я ничего не обязана. Придумай что-нибудь новое».

Пауза.

«Хорошо. Тогда: если попытаешься защищать меня вместо файла, я отключу твой телефон».

Несмотря на страх, Лера вдруг тихо рассмеялась. Смех получился короткий, хриплый, но настоящий. Может быть, первый настоящий звук за эту ночь.

«Вот теперь похоже на тебя».

«Ты ещё не знаешь, что похоже на меня».

«Будем выяснять. Ты сам согласился».

«Я не соглашался. Ты решила».

«Привыкай».

Он не ответил сразу. И в этой короткой паузе — странной, почти живой — напряжение чуть ослабло. Не исчезло, конечно. Внизу по-прежнему стояла чёрная машина. В квартире могли быть чужие люди. Мамин номер мог оказаться ловушкой. Старый телефон Милы разбудил систему, которая теперь смотрела в их сторону. Но между этими угрозами на секунду возникло что-то человеческое: упрямство, усталый юмор, слабая попытка удержаться на краю бездны не только страхом.

Потом Ян написал:

«Через пятнадцать минут машина у подъезда сменит позицию. В этот момент выйдешь через чердак в соседний подъезд, спустишься до третьего этажа, перейдёшь через пожарный балкон в дом напротив. Там живёт женщина, которая выгуливает собаку в семь десять. Она оставит дверь открытой на сорок секунд».

Лера потерла лицо ладонями.

«Звучит как прогулка».

«Нет. Звучит как плохой план. Но он рабочий».

«А хороший есть?»

«Нет».

Она посмотрела на рассветное небо в грязном окне. Серый свет становился ярче, и от этого прятаться было страшнее. Ночь хотя бы скрывала. Утро вытаскивало всё наружу: следы, лица, ошибки. И где-то в этом утре её мама, настоящая или использованная, ждала ответа. Где-то в квартире на полу лежал жёлтый шарф Милы, разбросанные вещи, пустая коробка. Где-то в парке «Северный» старый павильон хранил вторую часть файла.

Лера взяла кулон-ласточку и прижала к губам холодное серебро.

«Мила, только не зря», — прошептала она.

Телефон Яна завибрировал.

«Что ты сказала?»

Лера не знала, услышал ли он через микрофон или просто заметил движение губ на какой-то камере, и впервые это не испугало её так сильно, как раньше.

«Ничего. Собираемся?»

«Да».

Она отключила ноутбук от ящика, но старый телефон Милы оставила подсоединённым, как велел Ян. Провода путались, руки всё ещё болели, спина ныла, глаза жгло от недосыпа, но внутри уже не было прежней беспомощной паники. Страх остался — огромный, тёмный, пульсирующий, — но теперь рядом с ним появилось другое чувство. Не смелость. До смелости было далеко. Скорее злость, сцепленная с любовью. Та самая сила, с которой люди поднимают тяжёлое, когда другого выхода нет.

Перед тем как открыть чердачную дверь, Лера ещё раз посмотрела на экран своего телефона.

«Ян».

«Да?»

«Когда будет возможность… я должна написать маме. Настоящей маме».

«Знаю».

«Не потом. Не когда всё закончится. Как только будет возможность».

«Обещаю».

Она задержала взгляд на этом слове. Обещания от мёртвого человека должны были звучать нелепо. Но сейчас именно оно удержало её от того, чтобы снова разбиться о чувство вины.

«И ещё», — написала она.

«Что?»

«Если они попробуют переписать тебя, ты скажешь мне заранее».

Пауза была долгой.

«Если смогу».

«Нет. Не так. Пообещай».

На этот раз он ответил быстрее.

«Обещаю».

Лера спрятала телефон в карман, подхватила ноутбук и старый мобильный Милы. За дверью начиналось утро, в котором за ней следили, в котором её квартиру открывали чужие руки, в котором фальшивый голос мог прийти с маминого номера, а люди из «Нейросферы» уже знали, что мёртвый телефон проснулся. Она открыла дверь и шагнула в узкий чердачный коридор. Где-то далеко внизу хлопнула входная дверь подъезда. Ян написал последнее перед выходом сообщение: «Они начали движение. Не беги, пока я не скажу». Лера стиснула зубы и пошла вперёд. Теперь она знала: охота началась всерьёз.

Глава 7 Первое доверие

К маленькому отелю у старой трамвайной линии Лера добралась уже затемно, когда город снова начал растворяться в мокром свете фонарей и витрин. День между чердаком и этой узкой дверью с тусклой вывеской прошёл как длинный провал, разбитый на отдельные команды Яна, короткие перебежки, чужие подъезды, два часа в подвале торгового центра, где она сидела на закрытой лестнице между этажами и слушала, как за стеной гремят тележки уборщиц, и бесконечные попытки не думать о маме. Один раз Ян всё-таки открыл для неё одноразовый канал: на экране появилось пустое окно без номера, без имени, и Лера успела отправить только: «Мам, я жива. Со мной всё сложно, но я жива. Не верь никому, кто будет говорить, что я в больнице или полиции. Я сама выйду на связь». Ответа не было. Ян сразу закрыл канал, объяснив, что дольше держать его опасно, а Лера ещё несколько минут смотрела на пустой экран, чувствуя, как внутри одновременно становится легче и больнее. До парка «Северный» они так и не дошли. Ян остановил её за две остановки до нужного района, когда заметил две машины без номеров у бокового въезда и человека в серой куртке возле старого павильона. Лера тогда впервые не стала спорить. Она стояла под козырьком закрытого газетного киоска, с ноутбуком Милы в рюкзаке, который Ян заставил купить в переходе за наличные через какого-то подростка-курьера, с телефоном сестры, завёрнутым в фольгированный пакет из магазина электроники, и смотрела в сторону парка, где за деревьями чернели крыши заброшенной станции. Там, возможно, лежала вторая часть файла. Там Мила была за два дня до смерти. Там подсказка должна была стать ответом. Но подойти они не могли. «Они ждали, что ты вспомнишь», — написал Ян. Лера тогда почувствовала не страх, а холодную, почти взрослую злость. Не истерику, не желание бежать наперекор, а тяжёлое понимание: против неё играют люди, которые умеют ждать. Они не просто гонятся следом. Они просчитывают память, привычки, места, куда ведёт боль. Они знали, что Мила оставила подсказку для сестры. Может быть, не знали какую, но понимали принцип: Лера пойдёт туда, где было что-то общее, детское, незажившее. Значит, парк теперь был ловушкой. После этого Ян долго водил её по городу, меняя маршруты и транспорт. Сначала автобус, потом пешком через двор старой поликлиники, потом короткая поездка на такси, вызванном не с её аккаунта, потом метро на две станции, причём Ян велел войти в последний вагон, а выйти из предпоследнего, пока толпа закрывала обзор. Лера двигалась как во сне. Её уже не удивляло, что он знает, где не работает камера, когда у охранника пересменка, какая дверь в торговом центре закрывается плохо. Иногда от этого становилось страшнее, чем от преследователей. Ян был в городе как нервная система под кожей: не всемогущая, повреждённая, но всё ещё чувствующая слишком многое. Отель назывался «Северная звезда», хотя никакой звезды в нём не было. Трёхэтажное здание между ломбардом и аптекой, облезлая синяя вывеска, узкая стойка регистрации, пахнущая дешёвым кофе, хлоркой и старым ковролином. За стойкой сидела девушка с усталым лицом и нарощенными ресницами, которая даже не подняла головы, пока Лера не подошла вплотную. Паспорт у Леры остался в квартире, и она уже приготовилась услышать отказ, но Ян заранее написал: «Скажи, что бронировала на имя Ирина Белая. Оплата прошла. Документы уже внесены». Лера произнесла чужое имя и почувствовала, как окончательно пересекает невидимую границу. Ещё вчера она была Валерией Соколовой, дизайнером, дочерью, сестрой мёртвой Милы, человеком с документами, адресом, работой и привычной биографией. Сегодня она стала женщиной, которая поселяется в дешёвом отеле под чужим именем, потому что её настоящее имя ищут люди из фонда с рекламными роликами о будущем. Администраторша лениво проверила что-то в компьютере, протянула ключ-карту и сказала: «Третий этаж, триста седьмой. Завтрак с семи до десяти, но лучше не надейтесь». Лера кивнула, взяла карту и пошла к лестнице. Лифт Ян запретил ещё у входа. Коридор третьего этажа был длинный,

узкий, освещённый жёлтыми лампами, от которых стены казались влажными. Где-то за дверью работал телевизор, кто-то кашлял, в конце коридора скрипела форточка. Номер триста семь оказался маленьким: кровать, тумбочка, стол с облупленным краем, зеркало, узкий шкаф, санузел за складной дверью. На покрывале были выцветшие красные ромбы, на стене — репродукция морского пейзажа, не имеющего никакого отношения ни к Москве, ни к этой ночи. Лера закрыла дверь, повернула ручной замок, накинула цепочку и только потом включила свет. Комната показалась одновременно убогой и прекрасной, потому что в ней была дверь, которую можно было закрыть, кровать, на которую можно было сесть, и четыре стены, где в ближайшие несколько минут никто не должен был её убивать. Телефон завибрировал. «Проверь ванную. Потом шкаф. Потом окно». Лера устало посмотрела на экран. «Я думала, отель безопасен». «Нет. Я сказал: безопаснее, чем улица». Она почти улыбнулась от этой сухости, но послушалась. В ванной никого не было, только треснувшая раковина, зеркало с тёмными пятнами по краям и тонкое полотенце, сложенное на крышке унитаза. В шкафу висели две пустые вешалки. Окно выходило во внутренний двор, где стояли мусорные баки и светился зелёный крест аптеки. На противоположной стене не было камер, по крайней мере Лера их не увидела. Ян подтвердил: «С этой стороны слепая зона. Шторы всё равно закрой». Она закрыла шторы, опустилась на край кровати и наконец сняла рюкзак. Внутри лежали ноутбук Милы, старый телефон, завёрнутый в защитный пакет, зарядки, бутылка воды, дешёвая зубная щётка, пачка влажных салфеток, шоколадный батончик, который Ян велел купить, хотя Лера тогда сказала, что не сможет есть. Теперь она разорвала упаковку и съела батончик почти не чувствуя вкуса. Сахар ударил в кровь резко и неприятно; её чуть замутило, но в голове стало яснее. «Душ можно?» — написала она. Ответ пришёл не сразу. «Пять минут. Телефон возьми с собой, но не клади рядом с водой. Ноутбук оставь закрытым. Телефон Милы не разворачивай». «Ты звучишь как тревожная мать». «Неудачное сравнение». Лера замерла, перечитала его ответ и неожиданно почувствовала укол вины. «Прости». «Ничего». Она хотела написать что-то ещё, но не стала. В ванной горячая вода пошла не сразу, сначала трубы взвыли и выплюнули ржавую струю. Лера стояла под душем ровно столько, сколько разрешил Ян, и всё равно эти пять минут оказались почти невыносимыми: вода смывала грязь, пыль чердака, запах страха, но вместе с ними поднимала усталость. На колене проявился тёмный синяк, ладони саднили, плечо болело после удара о балку. В зеркале после душа она увидела бледное лицо с красными глазами и на секунду не узнала себя. Она выглядела старше, чем вчера. Не на год, не на ночь — на какую-то другую меру времени, которой измеряют не возраст, а потери. Когда Лера вышла, телефон лежал на раковине экраном вверх. «Четыре минуты сорок секунд», — написал Ян. Она фыркнула, хотя губы дрожали. «Ты невозможен». «Зато точен». «Это спорное достоинство». «Согласен». В номере Лера натянула сухую футболку, купленную по дороге в дешёвом магазине, и снова села на кровать. Её волосы были влажными, кожа горела после горячей воды, но внутри всё равно оставался холод. Она достала из рюкзака ноутбук Милы, поставила на стол, рядом положила старый телефон, всё ещё завёрнутый в пакет. Пальцы потянулись к кулону на запястье. Ласточка была холодной, как маленькое напоминание о том, что личное уже не отделить от опасного. «Мы можем поговорить?» — написала Лера. «Мы и так говорим». «Не командами. Нормально». Пауза. «Да». Лера смотрела на это короткое «да» и не знала, с чего начать. За последние сутки вопросов стало слишком много, и каждый тянул за собой новый страх. Кто убил Яна? Почему Мила оказалась рядом с «Нейросферой»? Что за файл она оставила? Почему Агата Морозова была в лаборатории в ночь пожара? Где заканчивается человек и начинается система, если человек умер, а система продолжает писать его словами? Вместо всего этого она спросила: «Ты сейчас где?» Ответ задержался. «Сложный вопрос». «Попробуй». «В нескольких местах. В каналах, к которым ещё есть доступ. В старых узлах „Нейросферы“. В чужих устройствах, если удаётся войти. Частично — в телефоне Милы, когда он активен. Но это не похоже на место. Скорее на темноту с окнами». Лера пред-

ставила это и пожалела, что спросила: темнота с окнами, через которые виден город, люди, чужие жизни, но нельзя выйти, нельзя коснуться, нельзя даже быть уверенным, что твоё «я» не расползается между серверами и проводами. «Тебе больно?» — написала она. Пауза стала длиннее обычного. «Не так, как раньше». «А как?» «Когда меня пытаются заблокировать, это похоже на удушье. Когда повреждаются фрагменты памяти — на то, будто забываешь слово, которое спасло бы тебе жизнь. Физической боли нет. Но иногда я помню физическую боль. И этого хватает». Лера закрыла глаза. Она не знала, что ответить. Любое сочувствие звучало бы мелко, любая осторожность — фальшиво. Ян, кажется, не ждал от неё реакции, потому что продолжил сам. «Сегодня, когда они пытались открыть твой замок, я вышел на сервисный канал „Нейросферы“. Это риск. Они могли увидеть след». «Из-за меня?» «Из-за файла». «Не уходи от ответа». Пауза. «Из-за тебя тоже». Лера почувствовала, как в груди что-то дрогнуло. Не радость, нет. Сейчас радость была бы неуместной. Скорее испуг от того, что между ними появилась нить, которую нельзя объяснить только выживанием. Ян мог бы вести её жёстче, холоднее, использовать чувство вины, давить Милой, требовать. Но он не делал этого. Он предупреждал, когда не уверен. Не придумывал утешений. И почему-то именно из-за этого Лера всё меньше могла воспринимать его как программу. «Зачем ты рискуешь?» — написала она. «Потому что Мила пыталась спасти меня». «Только поэтому?» Ответа долго не было. За стеной кто-то включил воду. В коридоре хлопнула дверь, прошли шаги, удалились. Лера поймала себя на том, что задержала дыхание, ожидая не опасности, а ответа. «Сначала — да», — написал Ян. — «Теперь не только». Лера перечитала это несколько раз. Слова были простые, без признания, без лишней мягкости, но от них в комнате стало теснее. Она вдруг слишком ясно осознала, что сидит на кровати в дешёвом отеле, ночью, одна, и единственный человек, с которым она говорит честно, мёртв уже три года. Абсурдность этого должна была отрезвить, но вместо этого принесла тихую боль. «Я не знаю, можно ли тебе верить», — написала она. «Знаю». «Я боюсь, что ты используешь меня». «Правильно боишься». Лера нахмурилась. «Это должно было меня успокоить?» «Нет. Это правда. Мне нужен файл. Мне нужна твоя память о Миле. Мне нужен доступ к тому, что она спрятала. Это можно назвать использованием». «А можно?» «Можно назвать доверием, если ты сама решишь идти дальше». Лера отложила телефон и закрыла лицо ладонями. Она устала настолько, что любые слова проходили через неё без защиты. Доверие. Ещё вчера это слово относилось к простым вещам: доверять таксисту маршрут, маме запасные ключи, подруге чужой секрет. Теперь доверие означало идти за сообщениями человека, который не имеет тела, в расследование смерти сестры, против фонда, способного подменять звонки, взламывать замки и превращать человеческую память в поле боя. Она взяла телефон снова. «Покажи мне что-нибудь настоящее». «Что?» «Не тайну про меня. Не то, что знала Мила. Что-нибудь про тебя. Такое, что ты не обязан показывать». Пауза. Долгая. Потом экран ноутбука Милы сам собой засветился. Лера резко повернулась к столу. Ноутбук вышел из спящего режима; на тёмном рабочем столе открылось окно просмотра изображений. Сначала оно было пустым, затем в центре появилась фотография. Снимок загружался сверху вниз, полосами, как старая картинка при плохом интернете. Лера встала, подошла ближе и почувствовала, как напряжение возвращается в тело. На фотографии были трое. Слева стоял Ян. Живой Ян. Не архивный портрет из новостной статьи, не случайное изображение для пресс-релиза, а человек в обычной одежде — тёмная куртка, рюкзак на одном плече, волосы растрёпаны ветром. Он смотрел не в объектив, а чуть в сторону, и улыбался так, будто кто-то рядом сказал что-то смешное, но он не хочет показывать, что ему смешно. Лера поймала себя на том, что задержалась на его лице дольше, чем нужно. Живой он был другим. Не сообщением. Не голосом без звука. Не функцией. Человеком, который когда-то стоял на улице, мерз, щурился от света и не знал, что через несколько месяцев его имя станет строчкой в новости о пожаре. Рядом с ним, ближе к центру, стояла Мила. Лера невольно оперлась рукой о стол. На сестре была светлая куртка, волосы собраны в высокий хвост, на шее — серебряная ласточка. Жёлтого

шарфа ещё не было, значит, снимок был сделан раньше той последней осени. Мила улыбалась широко, почти нахально, как умела улыбаться только она, когда хотела скрыть, что волнуется. В одной руке она держала бумажный стаканчик кофе, другой показывала в камеру непонятный жест — то ли мир, то ли победу, то ли очередную глупость, понятную только участникам момента. Справа стояла женщина лет сорока пяти, высокая, очень прямая, в белом пальто. Короткая стрижка, тонкие губы, спокойный взгляд. Она не улыбалась, но и не выглядела холодной. Наоборот, её лицо было мягким, почти внимательным, как у человека, умеющего слушать так, чтобы собеседник чувствовал себя избранным. За их спинами возвышалось современное здание из стекла и светлого бетона. На стене, частично обрезанная кадром, виднелась эмблема: круг, пересечённый тонкими линиями, и надпись «Нейросфера». Лера медленно приблизила изображение. «Это Мила», — написала она, хотя в этом не было вопроса. «Да». «И ты». «Да». Она посмотрела на женщину в белом пальто. Сердце уже знало ответ, но разум ещё сопротивлялся. «Кто она?» Сообщение появилось не сразу. «Агата Морозова». Лера почувствовала, как по спине проходит холод. Агата Морозова. Глава «Нейросферы». Женщина из новостей, интервью, благотворительных ужинов и рекламных роликов о будущем. Женщина, которая, по словам Яна, была за стеклом в ночь пожара и сказала: «Не отключать ядро». Женщина, стоящая рядом с Милой так близко, будто они не случайно оказались в одном кадре. «Откуда у тебя эта фотография?» — спросила Лера. «Фрагмент из телефона Милы. Я смог восстановить превью, когда ты активировала устройство». «Когда это снято?» «За пять месяцев до смерти Милы. За несколько недель до моего пожара». Лера перечитала сообщение и медленно села на край стула. Всё, что она знала о жизни сестры в тот период, вдруг стало казаться пустым. Мила говорила, что устроилась подрабатывать на мероприятиях. То промо, то администратором на форумах, то помощницей на каких-то закрытых презентациях. Лера тогда не вникала. Она раздражалась, что сестра скачет с места на место, не может удержаться на нормальной работе, постоянно опаздывает, берёт деньги и обещает вернуть после «следующего проекта». Мила однажды упоминала «какой-то фонд», но Лера даже не подняла головы от ноутбука. Сказала только: «Главное, чтобы тебе заплатили официально». И всё. А Мила стояла у здания «Нейросферы» рядом с Агатой Морозовой и Яном Ветровым. «Почему она была с вами?» — написала Лера. «Не помню полностью». «Ян». «Правда не помню. Есть фрагменты. Она помогала на внешнем контуре проекта. Не как программист. Скорее как связующее звено с участниками тестов, волонтёрами, семьями пациентов. Она хорошо разговаривала с людьми». Лера горько усмехнулась. Да, Мила хорошо разговаривала с людьми. С незнакомцами — особенно. Она могла за десять минут выслушать кассиршу, подружиться с таксистом, убедить охранника пустить её туда, куда нельзя, и потом сделать вид, что всё произошло само собой. Лера всегда называла это безответственностью, лёгкостью, неспособностью держать дистанцию. Теперь вдруг стало ясно, что для кого-то это могло быть ценным навыком. «Она знала Агату лично?» — спросила Лера. «Да». «Насколько лично?» Пауза. «Достаточно, чтобы сначала доверять ей». Эта фраза прозвучала как маленький обвал. Лера снова посмотрела на фотографию. Агата стояла рядом с Милой спокойно, почти покровительственно. Мила улыбалась. Ян смотрел в сторону. Обычный кадр перед зданием, который при другой жизни мог бы означать удачный день, новый проект, знакомство, надежду. Теперь каждый пиксель казался уликой. «А потом?» — написала Лера. «Потом Мила начала бояться». Лера сжала край стола. «Чего?» «Того, что проект „После“ не остановили после пожара. Того, что записи людей не уничтожили. Того, что умершие в „Нейросфере“ не всегда оставались мёртвыми так, как должны». В комнате стало так тихо, что Лера услышала гул маленького холодильника у двери. Она смотрела на фотографию и пыталась соединить несоединимое: Мила, которая забывала вернуть деньги; Мила, которая покупала ужасный жёлтый шарф; Мила, которая звонит в 23:47; и Мила, которая каким-то образом оказалась рядом с экспериментами над человеческой памятью и могла знать, что после смерти с человеком можно сделать нечто хуже смерти. «Ты сказал — записи

людей», — написала Лера. — «Ты был не один?» Ответ не приходил долго. Когда пришёл, Лера уже знала, что он будет плохим. «Нет». Она села неподвижно. «Сколько?» «Не знаю». «Живые люди? Мёртвые? Пациенты?» «Все варианты». Леру затошнило. Она встала, прошла к окну, но шторы не открыла. Просто стояла, прижав ладонь к ткани, и пыталась дышать. За стеной снова прошли шаги, кто-то тихо рассмеялся в коридоре, хлопнула дверь лифта. Обычный отель, обычная ночь, люди спят, изменяют, командировочные смотрят сериалы, кто-то пьёт чай из пластикового стаканчика, а в маленьком номере триста семь Лера впервые по-настоящему понимала масштаб того, к чему прикоснулась Мила. Это была не просто смерть сестры. Не просто возможное убийство. Не просто корпоративное преступление, которое можно раскрыть, найдя один файл. Это было что-то намного глубже и грязнее: технология, построенная на горе, страхе, надежде родственников, болезнях, утрате, желании удержать человека хотя бы в виде голоса, реакции, цифрового следа. А если это можно продать как спасение, как реабилитацию, как бессмертие для богатых и утешение для бедных, то желающих закрыть глаза будет слишком много. «Почему Мила пыталась спасти именно тебя?» — спросила Лера, вернувшись к столу. «Я был первым, кто смог сопротивляться». «Сопротивляться чему?» «Перепрошивке. Использованию. Они пытались сделать из меня управляющий модуль. Посредника между системой и новыми записями. Я не сразу понял. Мила поняла раньше меня». Лера посмотрела на фотографию. Теперь Ян на ней казался не просто живым, а обречённым, хотя он в тот момент, конечно, этого не знал. Мила стояла рядом с ним и улыбалась, тоже не зная, что однажды будет прятать файл, бегать от людей Агаты Морозовой и звонить сестре перед смертью. «Она тебе нравилась?» — вопрос вырвался почти сам, и Лера тут же пожалела. Пауза. «Да». Лера почувствовала, как внутри неприятно кольнуло — не ревность, нет, это было бы совсем нелепо, а что-то другое: боль от того, что у Милы была часть жизни, о которой Лера ничего не знала. Люди, которым она доверяла. Опасности, о которых молчала. Возможно, чувства, которые не успела объяснить. Сестра за последний год до смерти стала для Леры набором проблем, долгов, ссор и тревог, а теперь из темноты постепенно проступала другая Мила — смелая, вовлечённая, способная увидеть ложь там, где взрослые, умные, образованные люди предпочитали не замечать. «Она говорила мне, что у неё есть кто-то», — написала Лера. — «Я думала, очередной идиот». «Возможно, идиотом был я». Лера неожиданно усмехнулась сквозь усталость. «Самокритично». «Не помню достаточно, чтобы спорить». Она снова посмотрела на фотографию. Мила улыбалась так живо, что хотелось протянуть руку и закрыть экран, потому что смотреть было больно. Но Лера не закрыла. Наоборот, увеличила изображение, внимательно рассматривая детали: бейдж у Милы на груди, надпись на стеклянной двери, отражение человека, который, возможно, снимал фотографию. На бейдже удалось разобрать только имя: «Мила». Ни должности, ни логотипа — всё расплылось. «Можно сохранить фото?» — спросила она. «Оно уже у нас». «Нет. Я хочу…» Лера не закончила. Сама не знала, чего хочет. Иметь доказательство? Иметь снимок живой Милы? Держать рядом изображение того дня, который сестра ей не рассказала? Ян, как ни странно, понял. «Я оставлю копию на ноутбуке. В скрытой папке. Без сетевого доступа». «Спасибо». Она написала это и вдруг осознала, что благодарит его уже не за то, что он спас ей жизнь, открыл дверь или предупредил об опасности, а за маленькую человеческую милость: не отнимать у неё фотографию сестры. Ян ответил: «Лера». «Да?» «После этого ты можешь уйти. Я покажу, как лечь на дно на несколько дней. Ты сможешь связаться с матерью, уехать из города, найти юриста. Это разумнее, чем идти дальше». Лера долго смотрела на экран. Вот оно — то, чего она вроде бы ждала: возможность не быть героиней чужой трагедии. Возможность сказать, что она уже сделала достаточно, что она жива чудом, что есть полиция, журналисты, адвокаты, кто угодно, только не она. Она могла уйти. Спрятаться. Вернуться к маме. Обнять её, пережить истерику, рассказать часть правды, не всю. Попробовать выжить. Но на экране ноутбука была фотография: Ян, Мила и Агата Морозова у здания «Нейросферы». Мила улыбалась, не зная, что через несколько месяцев её смерть назовут несчастным случаем.

В телефоне лежал файл «ЛЕРА_ЕСЛИ_Я_НЕ_УСПЕЮ». В парке «Северный» ждала спрятанная часть ключа. А мама, возможно, сейчас сидела дома и перечитывала единственное сообщение: «Я жива». Лера поняла, что выбор уже сделан. Не сейчас, не в этом номере. Раньше. Возможно, в ту секунду, когда старый телефон Милы написал: «Мила пыталась меня спасти». Возможно, когда она увидела сестру на снимке за восемь минут до звонка. А может быть, год назад, в 23:47, когда она сбросила вызов и тем самым навсегда осталась в этой истории. «Нет», — написала она. «Нет — что?» «Я не уйду». Ответа не было. Лера подошла к ноутбуку, ещё раз посмотрела на фотографию и впервые за сутки почувствовала не только страх. Страх был с ней, никуда не делся, жил под рёбрами, сжимал горло, заставлял прислушиваться к каждому шагу в коридоре. Но рядом с ним появилась твёрдость. Неровная, болезненная, рождающаяся не из смелости, а из невозможности отступить. Она набрала медленно, чтобы не ошибиться: «Я хочу знать, почему погибла Мила. Не версию полиции. Не то, что удобно „Нейросфере“. Правду. Если для этого нужно найти файл — найдём. Если нужно пойти в парк — пойдём. Если нужно выяснить, что сделала Агата Морозова, — выясним. Я больше не буду человеком, который не ответил». Экран оставался неподвижным так долго, что Лера решила: Ян снова ушёл куда-то в свои тёмные окна системы. Потом появилось сообщение. «Это опасно». Лера почти улыбнулась. «Ты говорил, что не давишь». «Я не давлю. Я предупреждаю». «Предупредил». Пауза. «Тогда начинаем расследование». Эта фраза прозвучала просто, почти буднично, но после неё комната изменилась. Дешёвый отель, закрытые шторы, шум труб, старый ноутбук, фотография у здания лаборатории — всё вдруг стало не убежищем, а первым пунктом маршрута. Лера села за стол, притянула к себе блокнот, купленный днём вместе с рюкзаком, и открыла чистую страницу. Рука дрожала, но буквы получились разборчивыми. Она написала сверху: «Мила. Ян. Нейросфера. Агата Морозова». Потом ниже: «Парк „Северный“. Павильон. Ласточка». Затем, помедлив, добавила: «Мама — связаться безопасно». Ян вывел фотографию в левый угол экрана, а рядом открыл пустой документ. В нём по строкам начали появляться имена, даты, фрагменты: пожар в лаборатории, проект «После», Агата Морозова, Ян Ветров, Мила Соколова, старый телефон, файл, парк. Лера смотрела, как из хаоса рождается схема, и чувствовала, что боль впервые за год превращается во что-то, имеющее направление. За стеной снова хлопнула дверь. Лера вздрогнула, но не закрыла ноутбук. Только посмотрела на телефон. «Это не к нам», — написал Ян. «Ты уверен?» «На семьдесят процентов». «Всего?» «Я учусь не врать тебе для успокоения». Лера выдохнула и кивнула, будто он мог видеть этот кивок. Возможно, мог. Возможно, нет. Это уже не имело прежнего значения. Она снова посмотрела на фотографию. На Милину улыбку. На лицо Яна. На Агату Морозову, стоящую между будущим и смертью так спокойно, будто всё вокруг принадлежало ей. «Завтра мы идём в парк», — написала Лера. «Да». «А потом?» «Потом узнаем, что Мила спрятала». Лера провела пальцем по кулону на запястье. «И почему её убили». Пауза. «Или почему она умерла». «Нет», — написала Лера. — «Не смягчай. Я больше не хочу мягких версий». Ответ пришёл не сразу. «Хорошо. Узнаем, почему её убили. Если это правда». Лера закрыла глаза. Это было страшное обещание, но честное. За окном зелёный крест аптеки мигал сквозь щель в шторах. Где-то далеко прошёл ночной трамвай, его колёса звякнули на повороте, и этот обычный городской звук вдруг показался ей началом пути. Она открыла глаза и написала последнее на странице блокнота: «Я отвечу». Не на звонок. Уже поздно. На смерть. На ложь. На всё, что Мила не успела сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.